

Хайнц Вайхардт

ПОД ДВУМЯ ФЛАГАМИ

Оригинал: *Under Two Flags, by Heinz Weichardt*. Публиковалась также под названием «Нацистский террор. Краткая автобиография еврейского национал-социалиста» (*Nazi Terror: A Short Autobiography of a Jewish National Socialist*).

Источник: <https://ia902608.us.archive.org/12/items/UnderTwoFlagsByHeinzWeichardt/UnderTwoFlags-HeinzWeichardt.pdf>

Перевод с английского, 2022 г. На русском языке публикуется впервые!

Введение

После долгих лет уговоров моего дорогого друга Хайнца Вайхардта написать хотя бы часть воспоминаний о перипетиях его интересной жизни, Луис Бим, с которым он познакомился в прошлом году, наконец, убедил его сделать это. Эта статья изначально была написана в форме письма Луису.

У Хайнца определенно был необычный взгляд на двадцатый век. Сторонник Гитлера, покинувший Германию нежеланным неарийцем, в Америке он стал иностранцем из враждебной страны. Шли годы, Хайнц добился успеха в своей области физики (электронная оптика), уйдя из корпорации IBM с поста менеджера в ее исследовательском отделе. Как показывает его статья, он никогда не колебался в своей поддержке национал-социализма, даже если он сам был отвергнут им.

В последнее время появилось своеобразное презрение к историческому ревизионизму. Последний, несомненно, рубил и кромсал корни современной еврейской власти, поэтому Хайнц был очень встревожен такой критикой. Он часто говорил мне, что, когда в 1960-х годах начали пропагандировать Холокост, он мог только вспомнить свои школьные годы в Германии. «Я ходил в школу с этими ребятами из СС. Я знал, что они просто не способны на то поведение, которое им приписывают евреи». Он чувствовал, что ревизионизм имеет решающее значение для возрождения его когда-то любимой Германии, которая пятьдесят лет шаталась под клеветой еврейско-американской лжи. То же самое происходит и с этой несчастной страной (США – прим. перев.).

Хайнц считал, что наша цель должна состоять в том, чтобы лишить евреев избирательных прав, вытеснить их из правительства, медицины, права, образования, искусства и, конечно же, из средств массовой информации. Он считает, что критика тех, кто разоблачал ложь Холокоста, только помогает поддерживать евреев в качестве наших повелителей.

Неважно, если сегодня один гений говорит, что знал, что Холокост был фальшивкой в 1958 году, и поэтому, мол, ревизионизм – пустая трата времени. Я не замечаю сегодня в средствах массовой информации уменьшения количества яда Холокоста; наши дети продолжают его получать. Их необходимо защитить от этой смертельной лжи. Мы, взрослые, тоже должны повзрослеть.

Правда сведет нас с ума. Она может заставить нас драться. Борьба может однажды сделать нас свободными.

Дж. Б. Кэмпбелл, 23 февраля 1995 года.

* * *

Дорогой Луис, я чувствовал, что должен дать вам несколько более развернутую предысторию политической ситуации, которая привела к событиям января 1933 года в Германии, поскольку большинство соответствующих фактов лишь редко осознаются или доступны гражданам этой страны.

Сначала несколько биографических заметок о себе. Мой отец, доктор Карл Вайхардт, фризского происхождения, входил в число дюжины ведущих журналистов Германии с 1911 по 1944 год. С 1912 по 1932 год он был главным редактором и иностранным корреспондентом *Frankfurter Zeitung*, ведущей либеральной немецкой газеты, принадлежащей евреям. С 1934 по 1944 год он был редактором и отвечал за освещение всех основных культурных событий в *Berliner Morgenpost*, крупнейшей немецкой ежедневной газете тогда и сегодня.

В то время *Morgenpost* принадлежала издательству *Eher*, которое также издавало *Völkische Beobachter*, официальную правительственную газету во времена Гитлера. После Второй мировой войны он стал соучредителем небольшой газеты в Южной Германии. Он умер в 1955 году.

Его брат стал офицером кайзеровской армии во время Первой мировой войны, а во времена Веймарской республики он был адъютантом генерал-фельдмаршала и президента Пауля фон Гинденбурга в полку, носившем имя последнего. Его старший сын солгал о своем возрасте, чтобы пойти в армию во время Первой мировой войны, и стал лейтенантом в возрасте восемнадцати лет. Он оставался в Рейхсвере в годы Веймарской войны и стал высокопоставленным офицером Вермахта. Он погиб во время похода в Россию.

Следующий сын был активным радикальным националистом еще в 1921 году и даже был заключен в тюрьму на несколько месяцев в Веймарские времена. Позже он стал партийным функционером национал-социалистов. Третий сын стал офицером Рейхсвера, а затем подполковником Вермахта. Он был тяжело ранен в России, но до сих пор жив и здоров в возрасте девяноста четырех лет.

Четвертый, мой младший двоюродный брат погиб в составе Африканского корпуса Роммеля и похоронен в Тобруке. Брат моего деда эмигрировал в Южную Африку, а его сын Луис Вайхардт был очень уважаемым основателем национал-социалистического движения в Южной Африке в начале тридцатых годов. Во время войны он попал в плен к англичанам. По окончании войны он вышел на свободу и стал сенатором от провинции Наталь. Его так уважали, что после его смерти в 1985 году даже сионистская газета *Capetown Times*, которая боролась с ним в течение шестидесяти лет, напечатала уважительный некролог.

Моя мать, еврейка по происхождению, была профессиональным музыкантом и известной оперной певицей. Ее отец воевал в прусской армии во время Франко-прусской войны 1871 года. Ее шурином был профессиональным солдатом и капитаном армии Австро-Венгерской империи. Он погиб в первые шесть дней Первой мировой войны, когда Россия вторглась в Австрию и Германию. Ее двоюродный брат, также австрийский офицер, получил осколочное ранение в правое легкое в том же бою и провел следующие семь лет в качестве военнопленного в Сибири. Другой ее двоюродный брат погиб на Западном фронте, а еще один пережил все сражения на Балканах и стал в начале тридцатых годов личным адъютантом князя Штаремберга, лидера австрийской националистической, но не национал-социалистической военизированной организации *Heimwehr* до Аншлюса.

Я родился в 1914 году и вырос в Германии, Швейцарии и Австрии, в зависимости от командировок отца. С 1929 до конца 1938 года я жил в Берлине, где закончил среднюю школу и получил степень магистра инженерной физики в Берлинской высшей технической школе (после Второй мировой войны называется Берлинским техническим университетом – прим. перев.).

Мне нравится подчеркивать участие еврейской части моей семьи в войнах, потому что это было никоим образом не исключением, а скорее нормой, особенно среди более обеспеченных еврейских семей, которые стремились в первую очередь быть немцами, и во многих случаях, таких, как случай моей семьи, они крестились, чтобы забыть свое еврейство. Общеизвестно, что ни в одной другой стране мира еврейская община не была так ассимилирована, как в Германии. Примеры: один из самых известных немецких романтиков Генрих Гейне был евреем (крещеным); величайший еврейский композитор Феликс Мендельсон был еще одним немецким романтиком, и по сей день его музыку нельзя исполнять в некоторых синагогах, потому что он тоже крестился. Лучшим другом кайзера был Альберт Баллин, еврей, основатель крупнейшей немецкой судоходной линии и единственный человек, имевший частную телефонную линию в спальню императора. Знаменитый еврейский химик Фриц Габер был директором Химического института Кайзера Вильгельма, где он разработал процесс производства аммиака из азота в воздухе. За это он получил

Нобелевскую премию по химии. Без этого процесса немецкая военная промышленность не смогла бы произвести достаточное количество боеприпасов в течение одного года до начала Первой мировой войны.

Что же случилось потом? Почему лишь десять-пятнадцать лет спустя в Германии возник злобный «антисемитизм»?

Главной причиной того, что еврейство стало таким уважаемым и могло небезосновательно надеяться на то, что оно будет принято высшими слоями немецкого общества, была жесткая структура германского государства, в котором доминировала Пруссия. В этой среде просто не было места для того, чтобы придумывать сомнительные методы ведения бизнеса, столь приемлемые для ближневосточного ума; не было продажных чиновников, которых можно было подкупить, потому что стать чиновником не означало возможности обогатиться за счет общества. Это была честь, которую нужно было заслужить упорным и успешным трудом. Учитель, солдат, почтовый служащий, полицейский или любой другой государственный служащий должен был быть образцом для подражания, и если он когда-либо предавал доверие, оказанное ему обществом, которой он должен был служить, ему наступал конец.

Сегодня пруссачество приравнивается к деспотизму. Нет ничего более далекого от правды! Девизом Пруссии, а затем и Германского рейха было: *Gemeinnutz geht vor Eigennutz*. («Благополучие общества важнее собственного благополучия».) Это могло бы показаться несколько преувеличенным для граждан обширного и безмерно богатого государства, но должно быть способом выживания в относительно небольшой, перенаселенной стране, главным ресурсом которой был прилежный труд и творческий потенциал ума. Ничто лучше не описывает разницу в представлениях о государственности, чем декларации прусского короля Фридриха II Великого и французского короля Людовика XIV. «Я первый слуга государства» для первого и «Государство – это я» для второго. Евреи Германии и особенно Пруссии, будучи, по крайней мере, весьма умными, просто очень успешно приспособились к правилам игры, и многие из них стали еще большими пруссаками, чем сами пруссаки. В этом им очень помогала Пруссия, а также остальная часть преимущественно евангелической (лютеранской) северной Германии, являвшаяся безусловно наиболее веротерпимой страной во всей Европе. Любой оставшийся антиеврейский антисемитизм, едва существующий, в основном был критически направлен на некоторые еврейские манеры, которые иногда раздражали несколько чопорную прусскую форму светского этикета.

Сегодня мы, конечно, знаем, что именно такие манеры обнажают глубинный недостаток характера и, если им позволят стать нормой общественного поведения, они приведут к разрушению целой культуры. Один мой еврейский знакомый в годы Гитлера на вопрос, почему еврейский народ везде и всегда попадает в беду, ответил весьма лаконично. Вот его ответ: *Wir sind leider ein zwar*

kleines aber äußerst mieses Volk. («К сожалению, мы хоть и маленький, но чрезвычайно подлый народ»).

В то время как еврейский вопрос казался решенным или, по крайней мере, «спящим» в Германии и большей части Западной Европы, по ту сторону Атлантики начались настоящие проблемы. После катастрофического поражения более цивилизованной половины этой страны безжалостным янкизмом Север вскоре обнаружил, что бегущие с Юга чернокожие практически бесполезны в качестве дешевой рабочей силы для лихорадочно расширяющейся промышленности, движимой меркантильным материализмом. Поиски легкой наживы привели к подкладыванию кукушкиного яйца таких размеров, что после того, как «птенец» из него полностью вылупится, это еще может привести к окончательному уничтожению этой страны. Я имею в виду массовое внедрение «изгоев, ... отверженных, бездомных» (стихи Эммы Лазарус, оскверняющие подножие Статуи Свободы). После этого Америка уже никогда не была прежней. Эти массы во всем отличались от послушных, теперь «освобожденных» рабов Юга. В основном большое количество восточных евреев с их врожденной «сообразительностью» и «ловкостью» быстро избавились от потогонной и низкооплачиваемой работы в промышленности и стали независимыми бизнесменами. Их безжалостные и бессовестные методы ведения бизнеса, возможно, необходимые для выживания в русских и польских гетто, могли без ограничений развиваться в стране, где священна неограниченная личная свобода. Кульминацией этого отсутствия ограничений в личном поведении стало появление таких финансовых «гениев» (цитирую *Wall Street Journal*), как Милкен, Боски, Стейнберг и Левин. Тем временем в Европе политическое влияние еврейских банковских династий стало настолько сильным, что мадам Ротшильд могла заявить: «Мои сыновья могут решать, будет война или нет». После смерти королевы Виктории, под властью уже несколько выродившегося плейбоя Эдуарда, это влияние стало всепроникающим. Одновременный рост германской промышленной мощи под мудрым политическим руководством князя Бисмарка был, конечно, неприемлем для британского самоуважения, и мысль о том, что конкуренцию на мировых рынках можно встретить чуть большим упорством и усердием или сокращением продолжительности длинных выходных, к которым привыкли английские высшие классы, была просто слишком ужасна, чтобы даже подумать об этом.

Когда немцы совершили невыразимое преступление, став финансово почти независимыми от международной банковской системы и приступившие к строительству флота открытого моря для обеспечения доступа к своим скромным колониальным владениям, это стало последней каплей, и нужно было что-то сделать, чтобы раздавить их навсегда. С помощью российского империализма и французского шовинизма и реваншизма (французы еще не примирились с проигрышем войны 1871 года, начатой ими в типичной французской мании величия) легко было проводить политику окружения против Германии.

Кайзер Вильгельм был чрезвычайно цивилизованным и миролюбивым человеком. Я знаю это от британской матери моего лучшего друга; она была близким другом Вильгельма, который, в свою очередь, был крестным отцом моего друга. К сожалению, кайзер страдал склонностью к тщеславной болтовне, и это довольно широко использовалось против него его врагами. В гораздо более позднее время подобные недостатки воинствующих преступников, Черчилля и Рузвельта, были уже общеприняты! После того, как русские устроили убийство эрцгерцога Франца Фердинанда руками одураченных ими сербских простофиль, началась Первая мировая война.

Американский народ хотел держаться подальше от всей этой европейской неразберихи, но, поскольку в то время страна страдала от одной из странным образом повторяющихся рецессий, власть решила иначе.

Увы, ребята из Нью-Йорка и Вашингтона сделали ставку не на ту лошадь. Война пошла для них плохо. К 1916 году Россия была готова рухнуть, и на Западном фронте объединенные англо-французские силы застряли в позиционном тупике. Вероломные итальянцы (они были связаны трехсторонним договором с Австрией и Германией, пока не сочли выгодным перейти на другую сторону) проигрывали на юге.

Многочисленные объявления войны такими далекими державами, как Япония и Бразилия, также, казалось, не улучшали ситуацию, и в воздухе витали неприятные слухи о заключении мира путем переговоров. Именно в этот момент были заложены семена будущего роста немецкого «антисемитизма» (эвфемизм для обозначения антииудаизма), потому что большинство ближневосточных семитов в то время все еще поддерживали Германию.

Еврейские банкиры в Лондоне и Нью-Йорке держали Британию на крючке, и им было легко выманить у англичан Декларацию Бальфура, которая обещала им еврейскую родину – но не суверенное еврейское государство – в Палестине, которая в 1916 году все еще принадлежала Турции. Англичане, известные своей честностью и корректностью во всех своих делах, сделали аналогичное предложение ближневосточным арабам и даже отправили Т. Э. Лоуренса основать Арабский легион. Позже, когда Лоуренс напомнил своему правительству об этом обещании, он внезапно и так удобно погиб в автокатастрофе.

Между прочим, склонность к случайной смерти, по-видимому, довольно распространена среди людей, не согласных с господствующей англо-американской политикой. Вы наверняка помните генерала Джорджа Паттона, который хотел предупредить американский народ, что война не будет выиграна, если западные союзники не продолжат наступление, пока не достигнут Варшавы. Он также был очень впечатлен человеческими качествами кадров фюрерской

школы СС и имел наглость заявить об этом публично. После этих непопулярных высказываний здоровый крепкий генерал получил легкие травмы в весьма подозрительной автокатастрофе и вскоре скончался якобы от ее последствий. Или вспомните назначенного судом адвоката-еврея, который должен был защищать Ивана Демьянюка во время показательного процесса над ним в Иерусалиме. К его несчастью, он обнаружил некоторые обстоятельства, которые противоречили утверждениям обвинения, и поэтому быстро и так удобно выпал из окна гостиничного номера на высоком этаже. Это было объявлено самоубийством, но его семья горячо отрицала это. Конечно, есть много других таких случаев.

Вернёмся в 1916 год. После получения Декларации Бальфура еврейско-американская пресса и их последователи внезапно изменили ситуацию и начали изливать свой хорошо отработанный яд на всё ещё упорно сражавшихся немцев, которые отныне будут известны просто как варварские гунны. Это было предательством не только Германии, но и их собственных единоверцев – немецких евреев, которые были приняты в Германии лучше, чем где-либо еще в мире, и где большинство их боеспособных мужчин все еще сражались за то, что они считали своим отечеством. Было довольно легко превратить «идеалиста», но слабоумного Вильсона в фанатичного борца за «демократию», и Америка присоединилась к кровопролитию с якобы лучшими намерениями. Что касается общественности, то работа еврейской прессы, а также других, таких как пресса Хёрста, заключалась в том, чтобы испускать нескончаемый поток антинемецкой пропаганды ненависти, которая хорошо работала, и легко вводимые в заблуждение массы патриотично маршировали на войну. Россия рухнула, еврей Керенский сформировал первое революционное правительство и решил продолжать войну против Германии – нелепая идея, учитывая тогдашнее состояние России.

Германия, стремясь положить конец войне на востоке, решила помочь новой, более радикальной революции в России. Ленин, лидер крайне левых коммунистов, жил в Цюрихе. Он обещал закончить войну с Германией, как только он будет контролировать Россию и начнутся переговоры о его тайной транспортировке через Германию в Санкт-Петербург, тогда Петроград. Я в некоторой степени знаком с этими событиями, потому что мой отец был в то время высокопоставленным членом немецкой прессы в Швейцарии и принимал участие в вышеупомянутых переговорах. Евреи за пределами Германии решили помочь Ленину в его стремлении к власти и отправили в Россию его товарища Троцкого (Бронштейна) и сотни еврейских радикалов-коммунистов из Бруклина, вооруженных неисчислимыми миллионами долларов. Остальное – известная история, что касается событий в России.

Ситуация в Германии начала улучшаться, потому что американцы еще не прибыли в значительных количествах на Западный фронт, и скоро там должно было быть около двух миллионов закаленных в боях немецких солдат, высвобожденных с востока, которых можно было бы использовать на западе для последнего удара. Париж был в панике, и пришлось применить очень решительные меры, чтобы предотвратить мятеж во французской армии.

Вот теперь поднимается занавес над вторым актом еврейского предательства против Германии – на этот раз, к сожалению, в самой Германии. Вот эта история: после того, как немецкая армия изгнала русских из Германии и Австрийской Галиции, она изгнала их из российской части Польши и Украины. Евреи, составлявшие в Польше большую часть населения, стали опасаться традиционного в этих краях жесткого антисемитизма, тем более что у немцев был план создания нового польского государства по окончании войны с Россией. Массовое движение галицийских евреев, большинство из которых были австрийскими гражданами, начало свой путь на запад в Австрию, в основном в Вену, откуда они могли свободно въезжать в Германию. Несколько тысяч вначале увеличились до сотен тысяч к концу войны и после нее. Среди первых прибывших было непропорционально большое количество коммунистических агитаторов, которые внедрились в социалистическое движение Германии, в котором и так уже доминировали еврейские интеллектуалы. В Германии из-за блокады союзников страдания гражданского населения уже стали тяжелыми и деморализующими, и сразу после того, как русские были вынуждены подписать Брест-Литовский мирный договор, профсоюзы нанесли смертельный удар по военным усилиям Германии, организовав забастовки на военных заводах. Таким образом, запланированное наступление немцев было отложено на достаточно долгий срок, чтобы позволить американцам прибыть в Европу с их неограниченными запасами, и после еще одного года безнадежного сопротивления и разумного предложения мира президента Вильсона в Германии вспыхнула революция.

Война была проиграна, и в Версале предложения Вильсона были сброшены со стола, и новообразованной немецкой демократии был продиктован мир, безумие которого уже в день ее рождения обрекло ее на скорую гибель. Коммунисты под их еврейским руководством (Либкнехт, Люксембург, Толлер, Эйсер, Радек, Кун и др.) подняли кровавые восстания в Берлине, Мюнхене и Венгрии. Они захватывали и убивали заложников, в том числе женщин, тысячи людей гибли в уличных боях с полицией и жандармами. Эрнст Толлер, лидер Красной армии, формировавшейся в Баварии, рекомендовал удушить газом большинство немцев (ага!) и получил поздравления и обещания помощи лично от Ленина. Новый президент-социалист Фридрих Эберт, наконец, был вынужден призвать остатки немецкой армии, и с помощью недавно сформированных добровольческих корпусов *Freikorps* (в основном состоящих из патриотически настроенных бывших военнослужащих) большевики были окончательно разбиты, так же были отбиты вторжения поляков через недавно укрепленные

немецкие границы. Здесь следует подчеркнуть, что почти все главари коммунистических террористов были евреями-иностранцами.

Во время ускоряющейся инфляции некоторые бизнесмены и финансисты с хорошими связями, опять же большинство из которых были евреями, смогли сколотить состояние, что способствовало росту антисемитских настроений в стране, страдающей от поражения и невероятного голода, благодаря продолжающейся британской блокаде, которая была продлена на год после перемирия и привела к гибели около 800 000 немцев, в основном женщин и младенцев.

Когда население наблюдало, как недавно разбогатевшие еврейки в модных шубах, украшенные драгоценностями, заходили в дорогие ночные клубы со своим эскортом, в то время как ветераны без рук или ног сидели на тротуарах, дрожали в своих потертых мундирах и пытались продать какие-то карандаши или что-то в этом роде, чтобы заработать несколько пфеннигов на свои скромные нужды, это людям не слишком нравилось, даже если большинство евреев-профессионалов, профессоров, инженеров, врачей, государственных служащих и т. д. делили бедствия с остальным народом. Отец моей матери, вышедший на пенсию мелкий коммерсант, совершил ошибку, вложив свои сбережения в английские промышленные акции задолго до войны, и потерял все до последнего пфеннига, когда после войны англичане, как и все другие «победители», украли все до последней капли из частной немецкой собственности, которую они смогли прибрать к рукам. Американцам удалось «присвоить» все немецкие патенты и продать их населению по доллару за штуку. Мой знакомый, доктор Беккер, химик-иммигрант из Германии, купил их в достаточно большом количестве, чтобы основать фирму *Allied Chemical Corp.* на основе их содержания. В последний раз, когда я был у него в гостях в 1941 году, он все еще был президентом *Allied* и жил в невероятно красивой вилле в римском стиле в Болтон-Лендинге на берегу озера Джордж в северной части штата Нью-Йорк.

Дальнейшему росту антисемитизма способствовала череда крупномасштабных финансовых скандалов, вызванных недавно прибывшими евреями. Такие имена, как Бармат, Скларек, Кутискер, Леви, Левин, были так же хорошо известны публике тех дней, как сейчас известны Боски и Милкен. Большинство из них попали в тюрьму и не стали лекторами на тему финансовых операций после непродолжительных отсидок, как это модно в наши дни. Но был нанесен огромный ущерб не только шатким финансам Рейха, но и положению еврейской общины в Германии.

Первой жертвой поднявшейся волны антиеврейских настроений стал министр иностранных дел Германии Вальтер Ратенау. 24 июня 1922 года он по дороге в свой кабинет был расстрелян из автомата двумя бывшими армейскими офи-

церами. Они считали Ратенау ведущим представителем политики, которая играла на руку врагам Германии, уступая нелепым и смертоносным требованиям Версальского диктата. На самом деле в то время он мало что мог сделать. Его отец был выдающимся инженером и промышленником, основавшим немецкое Общество Эдисона, впоследствии переименованное в немецкую *General Electric*. Сын, Вальтер, стал ведущим промышленником, который основал несколько корпораций в Германии и Швейцарии и в конце концов стал президентом *General Electric* после смерти своего отца. Во время войны он прекрасно работал, организовав снабжение сырьем для военных нужд, одновременно руководя соответствующим отделом военного министерства Германии. После революции он поступил на государственную службу и стал министром иностранных дел Германии. Его убийство было не только бессмысленным преступлением, но и нанесло серьезный удар националистическому делу из-за всеобщего отвращения к этому поступку даже в самых националистических кругах.

Вторжение в промышленную Рурскую область 80–100 000 французских войск в январе 1923 года из-за задержек с выплатами репараций, а также полного краха немецкой марки (в ноябре 1923 года нужно было уплатить 4,2 триллиона – не миллиарда! – марок, чтобы купить один доллар) оживили националистическое движение, кульминацией которого стала попытка Гитлера прийти к власти 9 ноября 1923 года. Тем временем, однако, банкиры в Нью-Йорке и Лондоне неохотно пришли к выводу, что гораздо легче будет доить живую корову, чем мертвую. Американцы, которые знали, что безнадежно получить от своих европейских союзников возвращение огромных кредитов, которые американцы предоставили странам Антанты, чтобы удержать их в войне до тех пор, пока они не будут спасены прибытием американских войск, начали предоставлять большие кредиты Германии на все еще тягостных и обычно неприемлемых условиях. Но благодаря этим кредитам Германия смогла стабилизировать курс марки по довоенной цене 4,20 марки за доллар.

Гитлеровский путч был предан и побежден, и Гитлер был приговорен к пяти годам тюремного заключения, но был освобожден менее чем через год. Во время своего плена он написал с помощью Рудольфа Гесса книгу «Майн Кампф» («Моя борьба»), которая, за исключением Библии, имела самый большой тираж из всех ранее напечатанных книг. К сожалению, как и в случае с Библией, ее читали слишком немногие из ее покупателей, но, учитывая нынешнюю катастрофическую ситуацию в мире, это еще может быть исправлено в недалеком будущем.

Гитлер решил попытаться добиться власти полностью законными средствами, решение, от которого он никогда не отходил и которое в конце концов привело его к успеху, несмотря на то что вся негативная пропаганда утверждала обратное.

С 1924 года началось медленное, но неуклонное восстановление. В 1926 году последние французские войска покинули регион Рурской долины, но оккупация Рейнской области продолжалась до июня 1930 года.

В годы Веймарской империи многие выдающиеся музыканты, дирижеры, театральные актеры и режиссеры, а также ученые были евреями, но они никогда не доминировали и были более чем уравновешены немцами равного или более высокого положения. Но в литературе, в искусстве, а также в левой части печати их влияние стало всеохватывающим и пагубным. При этом ухудшение вежливости, падение культуры речи и социального поведения приобрело эндемический характер. Ничего, конечно, по сравнению с тем, что мы наблюдаем сегодня, но надо помнить, что семьдесят лет назад и нормы приличия были совсем другими по сравнению с нынешними. Постоянные нападки на чувства и моральные ценности, которыми дорожило большинство патриотически настроенных немцев, вызвали негативную реакцию внутри партий от центристов до крайне правых. «Антисемитизм» снова был на подъеме.

После краха Нью-Йоркской фондовой биржи в 1929 году большую часть кредитов, выделенных Германии, потребовали погасить досрочно, и началась Всемирная депрессия. Миллионы немцев потеряли работу, выплаты враждебным странам должны были продолжаться, а политическая ситуация становилась все более хаотичной. К концу 1932 года в Германии насчитывалось более шести с половиной миллионов безработных, около одной трети всего трудоспособного населения!

Коммунистическая партия, насчитывавшая более трех миллионов человек, включая вооруженную организацию, сочла, что ее время настало, и начала частые нападения на правые группы, которые переросли в регулярные уличные бои.

Вместе с социал-демократами, которые также командовали крупной военизированной организацией («Железный фронт»), за ними по-прежнему стояло 37,8% избирателей, но национал-социалисты с 33,6% стали самой крупной партией Рейха.

31 января 1933 года, когда до восстания большевиков оставалось всего несколько недель, а то и дней, Адольф Гитлер, как лидер крупнейшей партии, был по конституции назначен рейхсканцлером. Самое примечательное в последующей национальной «революции» – это то, что она была совершенно упорядоченной и бескровной. Несколько особенно неприятных лидеров крайне левых были заключены в тюрьму и, возможно, получили заслуженное избиение от чрезмерно восторженных штурмовиков, которые помнили своих убитых товарищей. Если я ошибаюсь, назовите мне хотя бы одну выдающуюся жертву этого «террора». Когда 27 февраля 1933 года коммунисту удалось поджечь здание Рейхстага в Берлине, Коммунистическая партия была объявлена

вне закона, а ее высшие руководители были арестованы. Любое заявление о том, что национал-социалисты устроили пожар, является типичной лживой пропагандой. Сегодня это признано даже в управляемой евреями Германии! Осенью следующего года в высшем суде Германии состоялся суд над признанным поджигателем и коммунистической иерархией. Один болгарский коммунист, Георгий Димитров, прославившийся после войны, развлекался в суде, оскорбляя Германа Геринга, но в конце концов все они были оправданы, кроме самого поджигателя. Высший суд национал-социалистической Германии не смог представить достаточных доказательств, чтобы связать коммунистическую элиту с преступлением, которое, несомненно, было совершено в ее интересах. Сравните это с управляемыми евреями показательными процессами в Москве, линчеванием в Нюрнберге и с иерусалимским линчеванием Эйхмана (который не внял предупреждениям о его грядущем похищении, потому что «евреи ничего мне не сделают, после того, что я сделал для них во время войны»). Вышеупомянутая история с оправданными коммунистами имеет иронический конец: все они рванули в Москву, опасаясь, что кто-то из крепких штурмовиков может быть не слишком доволен результатом суда и возьмет дело в свои руки, чтобы изменить приговор в духе, более подходящим для их идей. В Москве им кое-что пришлось не совсем по вкусу и, как это было типично для немцев, они не стали молчать и высказали некоторые критические замечания. В свою очередь русские, как это было типично для них, за это посадили их в тюрьму. После окончания Польской кампании, когда русская и немецкая армии встретились еще сердечно, их бесцеремонно передали Гестапо. Что с ними было потом, я не знаю.

Каково было положение немецких евреев в тот момент? Первый удар был нанесен из-за границы. Мировое еврейство объявило войну Германии. Это была не пустая угроза. Это правда, что евреи в то время не контролировали самую мощную армию в мире, как в наши дни, когда они имеют почти полное господство над развертыванием сил Соединенных Штатов. Но у немцев также не было армии, которая могла бы стать угрозой для кого-то крупнее Гренады или, может быть, Панамы. Германия столкнулась с самым катастрофическим экономическим положением в своей истории и полностью зависела от внешней торговли даже только для того, чтобы прокормить население. Любой успешный бойкот ее внешней торговли значительно усугубил бы и без того опасную ситуацию и даже мог привести к повсеместному голоду. Сначала реакцией Германии на буйные антинемецкие демонстрации за границей, возглавляемые евреями, был объявленный правительством однодневный (!) бойкот еврейских магазинов, отмеченных за одну ночь звездами Давида. Никогда, ни тогда, ни сегодня национал-социалисты не отмечали еврейскую собственность любого рода свастикой, потому что это считалось бы осквернением их почитаемого символа. Самым поразительным результатом этого бойкота стало обнаружение невероятно большого количества больших и малых предприятий в руках евреев. Если бы немецко-еврейская община выразила единодушный и громогласный протест против действий своих единоверцев по всему миру, они, по

моему мнению, избежали бы некоторых более суровых мер, которые вскоре последовали. Однако нужно понять и твердо помнить то, что евреи в отношении одной характеристики значительно превосходят большинство другого бедного населения и действуют значительно активнее по сравнению с ним. Именно их непоколебимая расовая сплоченность делает их евреями на первом месте, а всем остальных – на втором. Это приводит их к действиям, которые на первый взгляд могли бы нанести ущерб их интересам, но которые привели к более чем двухтысячелетнему выживанию во враждебном мире.

Следующей антиеврейской мерой стал «арийский параграф» в законах и распоряжениях, устранивший неарийцев со всех государственных должностей. Все, кто имел четверть или более еврейского происхождения, считались неарийцами. Исключением из этого закона были все евреи, которые сражались за Германию в Первой мировой войне или потеряли сыновей во время этой войны, или уже занимали государственные должности до этой войны. Могли быть предоставлены определенные исключения для заслуженных лиц. Все неарийцы на государственных должностях должны были быть отправлены в отставку (не уволены!) с получением пенсий. Крупные и малые предприятия не пострадали; врачи могли продолжать свою практику, но не получали компенсации за лечение пациентов, застрахованных в рамках государственного плана медицинского страхования. Многие, многие, в том числе высокопоставленные партийные деятели НСДАП, остались у своих семейных врачей-евреев, которые лечили их долгое время. Количество студентов университетов на три четверти или полностью еврейского происхождения ограничивалось процентной долей их численности в населении. Все еще довольно неплохо, если сравнивать с опытом достойных белых в условиях навязанной евреями в наши дни «позитивной дискриминации». Студенты, наполовину или менее еврейского происхождения, вообще не подвергались никаким ограничениям, и даже позже должны были присоединиться к националистической студенческой организации. Им не разрешалось вступать в СА или СС. Вступление в национальную организацию стало фактически обязательным для всех арийских студентов.

Непосредственное влияние всего этого на частную жизнь большинства евреев вначале было минимальным. Некоторые личные опыты покажут это. С раннего подросткового возраста я был заядлым любителем оружия. В Австрии, где мы жили в то время, фактически не было ограничений на владение пистолетами или винтовками. Если они и были, то точно не применялись. В возрасте пятнадцати лет я мог зайти в один из лучших оружейных магазинов в Вене и купить любое оружие в магазине, если у меня были необходимые деньги.

К сожалению, я этого не сделал, но через некоторое время я наскреб достаточную сумму, чтобы начать свою скромную коллекцию с приобретения трех недорогих пистолетов. Вскоре после этого, в 1929 году, мы переехали в Берлин. В Германии при Веймарской республике любое огнестрельное оружие

приходилось регистрировать в полиции. Не было никаких ограничений на владение оружием, за исключением случаев, когда вы хотели его носить. В этом случае вы должны были иметь охотничью лицензию, которая требовала длительного курса обучения обращению с оружием, меткой стрельбе, знаниям законов об охоте и обращению с убитой дичью. У полиции не было абсолютно никакого права голоса или власти отказать вам в праве собственности на ваше оружие, когда вы приходили для регистрации. Это была чисто бюрократическая мера, позволявшая полиции отслеживать оружие, причастное к какому-либо уголовному преступлению.

Мои пистолеты были зарегистрированы на имя моей матери (еврейки), которая внесла деньги на их первоначальную покупку, потому что мне было всего пятнадцать лет, и я не мог владеть огнестрельным оружием, пока не достиг совершеннолетия (21 год). После прихода Гитлера к власти в существующих правилах обращения с оружием ничего не изменилось; никому не нужно было сдавать зарегистрированное оружие – и точка. У моей матери эти пистолеты все еще были в день ее иммиграции в США (май 1941 года), и она подарила их моему другу, потому что ввоз огнестрельного оружия был запрещен американским законодательством.

Расхлябанность, с которой применялись существующие законы об огнестрельном оружии, была ясно продемонстрирована в дни после пожара Рейхстага, когда большинство людей опасались неминуемого коммунистического восстания. Внезапно вокруг появилось бесчисленное количество ветеранов или членов патриотических организаций, гордо демонстрирующих свои «Маузеры» или «Парабеллумы» времен войны, привязанные к их иногда пузатым животам.

Через некоторое время, после того как коммунистическая угроза была устранена, им вежливо напомнили, что ношение огнестрельного оружия в общественных местах является нарушением закона, и пистолеты были возвращены в ящики дома. Продажа патронов никогда не ограничивалась.

Внезапно сбылась моя давняя мечта: стать обладателем настоящего «Парабеллума» в хорошем состоянии. Один из моих друзей услышал о сделке, по которой члены многих существующих националистических партийных организаций могли покупать бывшие армейские пистолеты партиями по сотне по цене пятнадцать марок за пистолет. Цена нового «Парабеллума» в те дни составляла сто пятьдесят марок, что равнялось месячному доходу простого рабочего, если он имел работу. Мои поиски потенциальных клиентов были лихорадочными. Взяв дополнительную марку за свои услуги, мне пришлось продать всего пятнадцать пистолетов, чтобы заработать достаточно денег на покупку пистолета для себя! Увы, сон был недолгим. Какой-то завистливый или чрезмерно усердный гражданин счел необходимым сообщить властям о моей мечтательной сделке. Затем последовал пресловутый стук в дверь.

Никаких рук в карманах, нащупывающих спрятанное оружие, никаких выкрикиваемых приказов или угроз, только показ удостоверений личности и вежливый вопрос, есть ли у меня дома огнестрельное оружие и могут ли они его увидеть. Я пригласил их войти, вытащил свои пистолеты и попросил маму показать регистрационные квитанции. Разочарование довольно кротких джентльменов такой жалкой демонстрацией было очевидным, и они спросили о местонахождении ста «Парабеллумов», в обладании которыми меня подозревали. У меня сжалось сердце, и я рассказал им о своем, теперь наверняка сорвавшемся, долгожданном большом деле, которое еще не свершилось. Они явно испытали большое облегчение, и главный полицейский сказал, что по долгу службы им нужно провести хотя бы поверхностный обыск нашего помещения. Они не выдвигали выдвижные ящики, не выворачивали их содержимое, ничего не сдвигали и не повредили – только мельком заглянули под кровати, в шкафы и тумбочки. Когда они уже были готовы уйти, старший полицейский заметил на столе письмо с именем отправителя, звучащим по-еврейски, и, очевидно, проинформированный о расовом происхождении моей матери, очень любезно предупредил ее, что из-за преобладающих новых условий ей следует быть особенно осторожной и не нарушать ни один из существующих законов. После этого они извинились за доставленные неудобства и ушли. Мои заряженные пистолеты остались на столе.

Чтобы в полной мере оценить эту историю, вы должны помнить, что «Парабеллум», он же «Люгер», в то время все еще был самым мощным и совершенным армейским пистолетом на европейском рынке. Сегодняшним эквивалентом был бы полностью автоматический пистолет-пулемет, такой как немецкий MP5 или американский Ingram. Только представьте, что кто-то сообщает нашему демократическому правительству, что я храню сотню таких, возможно, намереваясь продать их каким-то сомнительным личностям, разделяющим расистские или иные не совсем политкорректные взгляды. Разве вы не слышите, как кричит генеральный прокурор Джанет Рино и приказывает своим любящим пострелять помощникам действовать. Рев бронированных грузовиков, загруженных спецназом в полном боевом обмундировании, будет оглушающим и усилен шумом зависших над головой боевых вертолетов на случай возникновения каких-либо трудностей. Заголовки кричали бы: «Безумный правый радикал имеет арсенал оружия, угрожающий его соседям!». Губернатор может вызвать Национальную гвардию!

Вспомните недавние действия нашего правительства по делу мужчины, который продал агенту под прикрытием дробовик, якобы на четверть дюйма короче, чем разрешено законом, в результате чего погибли мать, державшая на руках младенца, ребенок-инвалид с одной рукой, семейная собака и маршал. Или случай с религиозным психом, которого в любой день мог бы спокойно арестовать один-единственный полицейский, пока первый занимался покупками в местном супермаркете. Но на самом деле результат был таким: около

восемьдесят человек, в основном женщины и дети, сожжены заживо. Я думаю, что мой вымышленный сценарий, описанный выше, это даже преуменьшение.

Моя следующая стычка с властями Третьего рейха произошла примерно через три года и была немного более зловещей. Я только что получил уведомление о том, что мое заявление о добровольной службе во вновь набранной армии определенно отклонено, и я, понятно, был очень огорчен, потому что служба в вооруженных силах считалась честью и привилегией, а не обременительной обязанностью. Вместо того, чтобы проглотить свою сильно уязвленную гордость, я жаловался всем, кто хотел меня слушать, заканчивая свои жалобы едким вопросом: почему меня не берут, когда даже у высшего генерала Люфтваффе Эрхарда Мильха был отец-еврей? Ну, стук в дверь не заставил себя долго ждать. На этот раз я столкнулся с тремя членами «Общих СС» (Allgemeine-SS). Ситуацию усугубила моя маленькая такса. Она не любила высоких мужчин в черной форме и сразу же набрасывалась на незваных гостей, громко лая и огрызаясь. Эсэсовец отступил на несколько шагов, пока я не взял под контроль протестующее животное. В гитлеровской Германии предупредительный отстрел домашних животных точно не был политкорректным. Кроме того, ни одному члену организации в форме, за исключением армии и полиции, никогда не разрешалось публично носить огнестрельное оружие, чтобы подчеркнуть их невоенный характер. После того, как трое мужчин вошли в нашу квартиру, я получил строгий выговор за распространение оскорбительных слухов о высокопоставленных армейских офицерах. Все, что я мог сказать, это то, что я был абсолютно уверен, что отец генерала Эрхарда Мильха похоронен на еврейском кладбище в Дессау, где располагался знаменитый авиационный завод Юнкерса. Я никогда не забуду ошеломленных лиц тех троих, когда они уходили, на этот раз без извинений, в раздражении. Больше я о них не слышал. Конечно, я знал, что утверждение, против которого они возражали, было правдой.

Еще одну небольшую историю, характеризующую официальное отношение к поведению евреев, мне рассказал один очень хороший друг. Как член штурмовых отрядов (СА), он должен был посещать еженедельные собрания своего отряда для политико-идеологической обработки и других вопросов. В Германии, как и в большинстве европейских стран, дети и юноши уступали свои места в переполненных поездах, когда женщина или пожилой человек входили и не могли найти место. Во время одного собрания отряда членам напомнили о необходимости придерживаться этого правила, и один умный парень задал каверзный вопрос, что делать, если входящие женщины или пожилые взрослые явные евреи? После короткого молчания для размышления последовало (извините за выражение) соломоново суждение: «Штурмовики, чтобы избежать этой неловкой ситуации, просто оставайтесь стоять в поездах, кото-

рые могут быть переполнены!» Какой-нибудь милой старой еврейке я настоятельно рекомендую прокатиться на нью-йоркском метро или любом другом общественном транспорте.

Далее рассмотрим прослушивание иностранных радиостанций. В Европе было меньше передающих станций, чем здесь, в Америке, но они были гораздо мощнее, и в расположенной в центре Европы Германии всегда можно было слушать передачи из Австрии, Швейцарии, Франции, Англии, Дании, Швеции, России, Польши и Венгрии. Все они передавали программы на немецком языке, и большинство из них содержало злобную антигерманскую и особенно антигитлеровскую пропаганду, а также откровенную ложь об ужасном положении Германии в условиях «фашистского террора». Предполагалось, что вы не должны были слушать эти радиопередачи, но большинство людей слушали, и технически было невозможно заглушить мощные иностранные длинноволновые и средневолновые передатчики, не создавая помех вашим собственным радиопрограммам.

Однажды вечером, слушая радио Москвы, прозвенел звонок и в дверях стояла дама, живущая в квартире под нами. Ее муж был «Блокварт», кем-то вроде мелкого местного начальника НСДАП в нашем квартале, он отвечал за решение всех проблем с жильцами и за то, чтобы все вели себя хорошо и в соответствии с правилами и положениями новой эры. Как же она сформулировала свои требования и угрозы? «Дорогой господин Вайхардт, если вам так нужно слушать московское радио, не были бы вы так любезны уменьшить немного громкость, чтобы избежать возможных неприятностей для вас или для нас». В сегодняшней Германии, при самом демократическом правительстве в истории этой страны, если у вас обнаружат две или более копии этого письма, вы можете попасть в тюрьму на срок до пяти лет за преуменьшение «нацистских преступлений» и за разжигание расовой ненависти. Обыски без ордера в порядке вещей, конфискация «компрометирующих» печатных материалов и частного офисного оборудования процветают, и если вам повезет (и вы хорошо застрахованы), ваша страховая компания вынуждена будет возместить последующие расходы, если кучка наемных хулиганов сожжет ваше место работы.

Вернемся к нацистскому терроризму. Как известно, существовали концлагеря. Кем были их заключенные? В основном бродяги, бомжи и, да, какие-то незначительные политики левого толка (если подумать, совсем неплохая идея), ранее вызвавшие гнев новых правителей. Как ни странно, среди них почти не было евреев, которые, в конце концов, по мнению Гитлера, были в основе большинства бед страны. Согласно типично гнусному послевоенному британскому антинемецкому пропагандистскому фильму («История СС»), довоенное население концентрационных лагерей никогда не превышало десяти тысяч заключенных при почти семидесятиmillionном населении Германии! Я бы сказал,

что это неплохо, если сравнивать с двадцатью тысячами исправительных учреждений и лагерей (Солженицын, «Архипелаг ГУЛАГ») в Советской России, в которой, по мнению президента Рузвельта, было в то время самое прогрессивное правительство в мире.

Находясь в лагере, заключенные должны были работать, и я уверен, что иногда им приходилось выполнять действительно каторжные работы, которые были тяжелыми для большинства политиков с избыточным весом. Но они приобретали новые навыки, их хорошо кормили, и им предоставляли отличные медицинские услуги на случай болезни или травмы. После освобождения некоторые действительно стали полезными гражданами.

Здесь я должен категорически заявить, что в течение почти шести лет моего пребывания при гитлеровском режиме, проживания в центре власти в Берлине с отцом, который как журналист пребывал в постоянной связи с властями (ему приходилось, например, посещать вместе с другими журналистами конфиденциальные ежемесячные встречи с министром пропаганды доктором Геббельсом для получения политических указаний и выслушивания напутственных речей), и зная обо всех неприятных антиправительственных слухах, я не имел ни одного личного контакта ни с кем, кому был бы причинен физический вред со стороны властей Третьего рейха, и я не слышал ни от кого из моих довольно многочисленных знакомых, что они знали кого-то, кто подобным образом пострадал. Да, да, я знаю, что было скверное дело Рёма, о котором я расскажу чуть позже и которое было делом внутривнутрипартийным.

Исход евреев начался сразу, в основном состоятельных и видных людей, некоторые из которых чувствовали, что политически разоблачили себя. Они могли уехать со всем своим имуществом, но должны были заплатить налог в размере десяти процентов на свои ликвидные активы в соответствии с законом, принятым уже при Веймарском правительстве. Это вызвало крупную утечку валютных резервов Германии и вынудило внести изменения в закон, после чего год спустя эмигранты были обязаны платить уже девяностопроцентный налог на свои ликвидные активы и были вынуждены продавать всю свою недвижимость. Со временем эмигранты в Палестину были освобождены от всех налогов. Не очень состоятельным людям, хотя правительство Германии никогда не мешало им, повезло меньше, потому что ни одна страна не желала их принимать, если они не привозили с собой достаточный капитал, чтобы прокормить себя в течение неопределенного периода времени.

К концу 1933 года Гитлер сделал первый крупный шаг к возрождению силы и независимости Рейха. Он потребовал от Лиги Наций, этого клуба отдыхающих тунеядцев на берегах Женевского озера, чтобы после того, как Германия выполнила все обременительные условия, наложенные на нее диктатом Версальского договора, включая, по существу, ее полное разоружение, другие подписавшие стороны теперь присоединились к согласованным условиям и тоже

приступили к разоружению, о котором так много говорили. Это было совершенно справедливое требование, так как Германия была окружена своими бывшими врагами, располагавшими большими и прекрасно оснащенными армиями. Конечно, сегодня это отрицается, но у Франции были самые большие военно-воздушные силы в мире, у Англии – самый большой флот, у России – самое большое количество солдат и танков, Польша была в значительной степени вооружена и пользовалась весьма агрессивной риторикой, чешская армия, вероятно, была самой боеспособной из всех, а Италия при Муссолини в то время все еще враждебно относилась к Германии. Молчание в ответ на требование Гитлера было оглушительным, после чего Германия вышла из Лиги и приостановила все будущие выплаты репарационной дани.

Чтобы выжить экономически, Германия была вынуждена вести большую часть своей внешней торговли на основе бартерного обмена и отказалась от золотого стандарта. Последняя мера, вероятно, и стала настоящим началом Второй мировой войны. Мировая банковская система просто не могла допустить, чтобы этот выскочка освободил свою нацию от ее оков. Если бы его смелая попытка увенчалась успехом, то вся их империя начала бы рушиться, потому что другие могли бы осмелиться попробовать тот же гамбит. И что самое ужасное, это действительно имело успех. Восстановление экономики Германии стало стремительным, безработица быстро исчезла, в то время как остальной мир барахтался в постоянно обостряющейся депрессии. Потребовался бы большой том, чтобы описать подробности изменений, происшедших в первый год существования Третьего рейха, и тот энтузиазм, с которым подавляющее большинство людей встретило новую систему. Когда в конце 1933 года, после выхода из Лиги Наций, были назначены выборы для утверждения новой и решительной внешней политики, 92,5% имеющих право голоса избирателей поддержали новое правительство. Поскольку я голосовал на нескольких выборах вместе с матерью (!), вплоть до осени 1938 года, когда я уехал в США, то могу заверить всех, что никакого принуждения или мошенничества в этих выборах никогда не было.

Единственный серьезный кризис разразился весной 1934 года, когда Гитлеру пришлось принять мучительное решение ликвидировать своего близкого друга Эрнста Рёма. К тому времени ряды СА пополнились миллионами, многие из которых были бывшими коммунистами. Так много людей хотели стать зарегистрированными членами партии, что в предыдущем году пришлось объявить мораторий на все дальнейшие заявления о приеме в НСДАП. Рём, как начальник СА, был основным фактором силы и очень помог приходу Гитлера к власти, поставляя оружие и средства из армии и обеспечивая своими штурмовыми отрядами безопасность улиц от нападений большевистских убийц.

Из-за непрекращающейся кампании ненависти таких профессиональных ненавистников, как Рузвельт, Черчилль, Ванситтарт и т. д. («Германия становится слишком сильной, мы должны снова ее уничтожить»). «Мы навяжем

войну Гитлеру, нравится ему это или нет» и «Грядущая война – это война не против немецкого народа, а против Гитлера и его нацистов» и еще много подобного до тошноты), стало очевидным, что Германия должна была создать армию, достаточно сильную для защиты Рейха от его воинственных противников. Это было невозможно без полного сотрудничества небольшого, но очень профессионального Рейхсвера и его генералов. Рём хотел, чтобы его СА были включены в состав новой армии, а также присматривался к должности министра обороны, которую считал причитающейся ему. Это было проклятием для очень консервативного генерального штаба. Среди членов СА было много тех, кому совершенно мирный захват власти был противен, и кто хотел бы больше шума, чтобы расквитаться с некоторыми из своих бывших врагов. Среди них также была большая часть левых, стремившихся к более «социалистическому» подходу к проблемам страны. Гитлер, конечно, знал, что, если он примет решение в пользу Рёма и против Рейхсвера, его ждут серьезные потрясения и возможное уничтожение всех его с таким трудом приобретенных завоеваний. Поэтому он был вынужден согласиться с требованиями генералов и ликвидировать Рёма. Чтобы избежать восстания в СА, это должно было быть сделано с хирургической точностью и стоило жизни восьмидесяти восьми мужчинам. Пожалуйста, сравните это число с числом жертв сталинских чисток в его армии в то же время. [О гомосексуализме группы Рёма доложили Гитлеру, но последний не хотел этому верить. Когда он узнал, что эта клика планировала свергнуть его, он лично отправился в ту ночь в их притон беззакония и, вооруженный пистолетом, арестовал Рёма и других.]

Вот небольшая история об одной еврейской даме, ставшей жертвой дела Рёма. Среди жертв чистки был некий доктор Шмидт. Это был случай ошибочной идентификации. Не слишком удивительное происшествие с такой распространенной в Германии фамилией, как Шмидт. Его жена-еврейка, по понятным причинам, была расстроена этим и в ярости отправилась прямо в офис Гитлера. Сильно смущенный справедливой жалобой дамы, он не только предложил ей всевозможные компенсации, но и хотел сделать ее почетной арийкой со всеми вытекающими привилегиями. Она получила компенсацию, но отказалась от звания почетной арийки и уехала в США. Когда она рассказывала мне эту историю, она уже стала женой моего коллеги в компании, в которой я работал в Бингемтоне, штат Нью-Йорк.

Тем временем в старых добрых США ненависть мистера Рузвельта ко всему немецкому вообще и к Гитлеру в частности стала просто патологической. Чтобы понять его гнев, нужно сравнить быстрое восстановление маленькой лишенной природных ресурсов страны, которая была разбита и разграблена ее врагами, со скудными результатами его политики в качестве президента тогда еще самой богатой страны в мире, которая страдала от, казалось бы, никогда не оканчивающейся депрессии. В то время как Гитлер мог привлечь капитал за счет ссуд от ведущих промышленников – они, должно быть, сидели на нем во время веймарского режима, которому в значительной степени не

доверяли, – дав им железные гарантии погашения, Рузвельту не удалось получить их от могущественных капиталистов в его стране, которые были больше заинтересованы в максимальной отдаче от своих инвестиций, чем в благополучии своей нации.

Это положение можно было исправить, только развязав небольшую войну, которая гарантировала бы огромные прибыли в возрожденной тяжелой промышленности и привлекла бы деньги из карманов непокорных банкиров и промышленников. Поэтому понятно, что уже в 1934 году – за год до того, как первый солдат был зачислен в новый Германский Вермахт, – были разработаны планы создания стратегических бомбардировщиков, которые можно было бы использовать только для жестокого истребления гражданского населения любой нации, пытающейся защитить себя от попытки подчинить ее империалистической власти банкиров или большевиков, в равной степени стремящихся к мировому господству. Затем Англия построила парк тяжелых бомбардировщиков дальнего действия, но Германия даже не предполагала разработки самолетов, предназначенных исключительно против гражданских лиц. В недавней биографии, написанной самым выдающимся авиаконструктором Германии Вилли Мессершмиттом, говорится, что решение сделать ставку в первую очередь на самолеты тактического назначения было протолкнуто упомянутым выше генералом Эрхардом Мильхом. Это оказалось фатальным во время грядущей войны, навязанной Германии Рузвельтом и кагалом его советников. В марте 1935 года был создан новый Вермахт, и каждый молодой немец должен был отслужить в армии один год. Срок службы во французской армии составил три года, как это было более шестидесяти лет!

В июне 1935 года были изданы знаменитые Нюрнбергские законы, определявшие положение евреев и лиц частично еврейского происхождения в Рейхе. С этого дня евреи считались членами Рейха, пользующимися защитой закона, но не полноценными гражданами. Чтобы быть стопроцентным арийцем, нужно было доказать, что еще в 1800 году в семье не было предков-евреев. То, что это вообще было возможно, показывает, как далеко зашли немцы, пытаясь вести упорядоченный учет жизненно важных данных. (Я упоминаю об этом, чтобы показать, как нелепо предполагать, что во время войны не велся упорядоченный учет людей, отправленных в трудовые лагеря. Сейчас мы знаем как факт, что все данные учитывались до самого конца войны. Они доступны сегодня и показывают, что в случае смерти заключенного семья покойного получала уведомление об этом, и прах умершего возвращался им, когда это было возможно.) В то время эти законы казались чрезвычайно суровыми, особенно для тех, кто имел лишь частичное еврейское происхождение, которые, как и я, были воспитаны как христиане и патриотичные граждане, безоговорочно любившие свой «Фатерланд». Лично я был опустошен. Я не мог жениться на арийской женщине, которую любил, и мое заявление о добровольной службе в Вермахте было отклонено, вероятно, потому что я был худощавого телосложения, с карими глазами и темными волосами. Это было очень

горько, учитывая военную историю моих предков как по отцовской, так и по материнской линии.

Сегодня, шестьдесят лет спустя, наблюдая стремительный упадок типичного многорасового и многокультурного общества, я вынужден прийти к выводу, что именно расовое и культурное единство Третьего рейха позволило его народу пережить чудовищное нападение врагов и вновь восстать из пепла своей нации. Нынешняя попытка всеми средствами разрушить это единство путем планомерного притока миллионов немых отбросов Третьего мира и систематического разрушения всех традиций в сознании нынешнего поколения показывает, что извечные враги Германии полностью согласны со мной в этом вопросе. То, что это разрушение происходит под руководством еврейского диктатора (Игнаца Бубиса, главы еврейской общины численностью от тридцати до сорока тысяч среди восьмидесяти миллионов немцев), который правит Германией исключительно силой американских штыков, предвещает плохое будущее этой нации, если ему удастся осуществить свои гнусные планы. Американцы осознают, что их низвели до неподобающего статуса палачей на службе всемогущего государства Израиль.

Следует отметить, что Нюрнбергские законы распространялись только на немецких неарийцев и никогда не касались приезжих евреев, путешествующих по заграничным паспортам, для которых не существовало никаких ограничений.

Еврейам было разрешено создавать собственные организации в области спорта, культуры, медицины, школ, и у них даже был собственный отдел в штаб-квартире Гестапо, укомплектованный сионистами, которые приветствовали антиеврейские меры правительства, поскольку они способствовали желаемой ими эмиграции евреев в Палестину. Всего было шестьдесят таких тренировочных лагерей, организованных сионистами при поддержке Германии.

Однако в этот момент британцы возразили и потребовали, чтобы каждый еврейский иммигрант принес одну тысячу фунтов стерлингов золотом (сегодня это эквивалентно не менее 50 000 долларов), чтобы получить разрешение на постоянное проживание в Палестине. Правительство Германии заключило с сионистами так называемое [«Соглашение о перемещении»](#) (Соглашение Хаавара) и предоставило из своих скудных валютных резервов необходимые средства для помощи молодым евреям, эмигрировавшим в Палестину. Около пятидесяти тысяч молодых евреев получили эту помощь, которая представляла собой 50 000 000 долларов довоенных долларов для Рейха, которому так не хватало твердой валюты. Вот вам и «запланированное уничтожение» евреев!

Международная Олимпиада 1936 года стала кульминацией неумолимого подъема Германии. Нужно было быть там, чтобы подивиться выражению удивления на лицах гостей со всего мира, которые были готовы ожидать совсем иной облик народа, «стонущего под игом нацистской тирании». Радость на этом празднике и демонстрация солидарности и чувства товарищества среди молодежи со всего мира, казалось, предвещали наступление нового и мирного будущего. Тем не менее, по сей день контролируемые евреями СМИ повторяют глупую историю о том, что Гитлер покинул игры, чтобы избежать рукопожатия с главным обладателем золотой медали Америки, негром Джесси Оуэнсом. Чтобы не возникало неудобных вопросов, они забывают упомянуть, что Оуэнс, как и все остальные медалисты, был приглашен на праздничный обед в канцелярию Гитлера. Среди этих спортсменов, конечно же, была и еврейская девушка Хелен Майер, завоевавшая серебряную медаль по фехтованию для Германии. Они также забывают высказывания другого американского спортсмена-негра, которого по возвращении репортер спросил: «Вы встречали каких-нибудь противных нацистов в Германии?» Его ответ: «Нет, я встречал только хороших немцев, и мне не приходилось ехать в конце автобуса».

Беспрецедентные дипломатические успехи Гитлера, которые все без исключения были достигнуты путем мирных переговоров, только усилили беспощадную пропагандистскую войну против Германии. Эту войну в основном вели контролируемая евреями иностранная пресса и враждебно настроенные эмигранты. В Нюрнбергских законах содержался специальный пункт о том, что в случае продолжения еврейских нападений с помощью пропаганды или любых других средств последуют дальнейшие ограничения прав евреев в Германии. Так это и произошло. Большинство евреев хотели эмигрировать, но это было почти невозможно, потому что ни одна страна не хотела их принимать. Швейцария зашла так далеко, что потребовала от правительства Германии отметить все паспорта евреев как таковые. После этого во все паспорта евреев были добавлены дополнительные имена «Израэль» и «Сара» для мужчин и женщин соответственно. Это были имена, которые ни один немецкий еврей не дал бы своим детям. Кроме того, на первой странице их паспортов должна была стоять большая буква «J». Убийство видного национал-социалиста Вильгельма Густлоффа в Швейцарии убийцей-евреем и еще одно убийство, тоже совершенное евреем (обстоятельства и имя жертвы я не помню) обострили антиеврейские настроения в Германии. Только США допускали небольшое количество иммигрантов, если у эмигрирующего лица был родственник в Штатах, который был американским гражданином и предоставил бы письменные показания под присягой, подтверждающие, что он готов полностью поддерживать иммигранта до тех пор, пока это необходимо, или если последний мог взять с собой достаточные финансовые средства, чтобы прокормить себя в течение нескольких лет. Ночной пеший переход реки Рио-Гранде в те времена определенно не считался альтернативой. Вокруг квартала в Берлине, где располагалось консульство США, выстраивались бесконечные очереди евреев, надеющихся попасть в

список ожидания, который позволил бы им подать заявление на получение иммиграционной визы после нескольких месяцев или даже лет ожидания.

Австрия наконец объединилась с Рейхом при ликующем одобрении практически всего населения. При въезде в Австрию Гитлер, самый знаменитый сын страны, едва мог пройти сквозь толпы людей, бросавших цветы. Это были те самые люди, чей социалистический парламент девятнадцать лет назад единогласно проголосовал за присоединение к Рейху, но затем державы Антанты помешали им сделать это под угрозой отказа от подписания мирного договора. После Аншлюса австрийские евреи жили гораздо хуже, чем в Германии, потому что местное население питало гораздо более сильные антиеврейские настроения, чем в Германии. Во многом это было связано с тем, что в преимущественно католических странах всегда было больше религиозного предубеждения против евреев, но, кроме того, большое негодование вызвал приток более ста тысяч галицийских евреев в голодающую столицу Вену после окончания войны и создания независимой Польши. Тем не менее, когда ранее упомянутый двоюродный брат моей матери уезжал из страны в Бразилию, офицер СС, досматривавший его багаж на швейцарской границе, увидев в первом сундуке форму бывшего офицера одного из полков лейб-гвардии императора, отступил назад, отдал соответствующий военный салют и воздержался от дальнейшего досмотра.

Из-за сильного давления, оказываемого на австрийских евреев, президенту Рузвельту пришла в голову блестящая идея созвать международную конференцию на прекрасном французском курорте Эвиан (если прочесть это слово наоборот, то получится «наивный») на берегу Женевского озера. Цель встречи состояла в том, чтобы убедить каждую присутствовавшую страну смягчить свои строгие иммиграционные требования и разрешить эмиграцию оставшимся в Германии тремстам тысячам евреев. Это был июль 1938 года, погода в Эвиане была великолепной, и все хорошо провели время. Результаты соответствовали. Ни одна из присутствовавших тридцати трех стран, включая США, не захотела изменить свое иммиграционное законодательство! Доктор Геббельс был в полнейшем экстазе. Эта демонстрация лицемерия вылила много воды на его пропагандистские мельницы. («Разве никому не нужны наши гении?») Одна немецкая газета заметила: «Мы видим, что кое-кому нравится жалеть евреев, пока можно использовать эту жалость для злобной агитации против Германии, но ни одно государство не готово бороться с «культурным позором» Центральной Европы, приняв несколько тысяч евреев. Таким образом, эта конференция служит оправданию политики Германии в отношении еврейства».

Осенью 1938 года Гитлер добился одного из своих величайших политических триумфов. Возвращение заселенной преимущественно немцами Судетской области было достигнуто без войны. Беспокорство людей в Берлине во время Мюнхенской конференции было чрезвычайно велико, потому что с минуты на

минуту ожидался налет чешской авиации. Время полета чешских самолетов до Берлина составляло менее получаса, а Германия в то время была совершенно не готова к крупному военному столкновению. Я никогда не забуду вечер, когда Гитлер вернулся из Мюнхена. Облегчению и восторгу не было предела. Зенитные батареи в Берлине и его окрестностях, около восьмидесяти орудий, были выстроены вдоль маршрута Гитлера от железнодорожного вокзала до канцелярии, а я стоял позади моего хорошего друга, который стрелял из соединенных электрическим кабелем орудий одновременно нажатием одной кнопки. Грохот салюта был неопишным.

Часть II

Мое пребывание в Германии неожиданно рано закончилось 5 ноября 1938 года. Я получил диплом инженера (степень магистра) в апреле того же года, но мои попытки получить достойное место в немецкой промышленности не увенчались успехом из-за все более строгого применения Нюрнбергских законов. У моего отца был хороший и очень влиятельный друг, доктор Хуго Эккнер, который был президентом всемирно известной компании *Zeppelin-Maybach Motorenbau*. Он был наиболее известен как конструктор дирижаблей и воздухоплаватель, командир новаторских кругосветных полетов «Цеппелинов» в двадцатые и тридцатые годы. Он также был в то время самым известным и уважаемым немцем в Соединенных Штатах. По его настоятельной рекомендации я решил эмигрировать в США, где он имел влиятельные связи и уверял меня, что, несмотря на вновь углубляющуюся депрессию и растущую безработицу, я смог бы там найти оплачиваемую работу. Он организовал мое личное знакомство с генеральным консулом США господином Реймондом Х. Гейстом. Последний был очень радушным, но сожалел, что не может отменить существующие ограничения на иммиграцию в США. Это решение оставалось в силе даже после того, как я предъявил письменные показания представителя Эккнера в США, вице-президента его собственной компании, которые гарантировали мою поддержку на неопределенный срок после моего приезда. Аффидевит пришлось признать недостаточным, потому что поручитель не был моим родственником. Даже если бы этот документ был подходящим, это просто поставило бы меня в список ожидания на несколько лет, пока мое заявление не будет рассмотрено. Единственным возможным способом получить иммиграционную визу в кратчайшие сроки было положить крупную сумму в американский банк, что позволило бы мне иммигрировать как капиталисту.

Доктор Эккнер внес бы этот залог за меня, но по существующим немецким законам нельзя было вывозить более десяти марок (4 доллара) за один раз. Это было бы концом моих усилий, если бы друг Эккнера, который был вице-президентом *National City Bank of New York*, случайно не посетил Берлин. После моего знакомства с ним он сел и написал записку генеральному консулу, в которой сообщил консульству, что сумма в 10 000 долларов (в 1938 году,

когда цена нового седана «Кадиллак» составляла 1650 долларов!) была депонирована на мое имя в его банке в Нью-Йорке. С этой запиской в руках я вернулся в консульство США, где через пару часов получил свою иммиграционную визу, сопровождаемую личными добрыми пожеланиями господина Гейста.

Менее чем через две недели, 4 ноября 1938 года, около десяти часов вечера, я сел в вечерний экспресс в Берлине и лег спать в купе первого класса. Поезд должен был прибыть на следующее утро во Флиссинген, Голландия, где хороший корабль «Ильзенштайн» должен был принять меня на борт в девять часов утра. Небольшое грузовое судно, вмещавшее примерно две дюжины пассажиров, было собственностью принадлежащей евреям судоходной компании *Bernstein Line*, но на нем была немецкая свастика. Незадолго до того, как поезд прибыл на голландскую границу, в три часа ночи, я был разбужен появлением трех эсэсовцев в полном облачении, которые схватили мой объемистый багаж и приказали мне выйти из поезда вместе с десятком других эмигрантов. Мы стояли на негостеприимной железнодорожной платформе и с грустью смотрели на исчезающие задние фонари нашего комфортабельного экспресса. Все, о чем я мог думать в эту минуту, была часть моего багажа, которая была отправлена заранее на пароход и должна была скоро исчезнуть за горизонтом. Нас посадили в отдельные комнаты для женщин и мужчин, тщательно осмотрели наш багаж, и нам пришлось снять одежду, которая была подвергнута рентгеновскому просвечиванию для обнаружения спрятанных документов. Эсэсовцы были в не слишком хорошем настроении, что было понятно для людей, которым приходилось вставать в три часа ночи для обыска багажа кучки эмигрантов. Я вез свою новенькую дорогую фотокамеру, скрипку столетней давности, кое-что из маминых драгоценностей и, кроме чемоданов с одеждой и личными вещами, еще специальный кейс, набитый нашим фамильным серебром, состоящим из сотни предметов в почти новом состоянии. Кроме того, у меня был мой 9-мм «Парабеллум», на который не обратили внимания. Мои предчувствия оказались напрасными. Нам приказали одеться, вопросов не задавали, наш багаж был заново упакован в полном порядке, и мы могли присоединиться к дамам в зале ожидания. Одна из молодых еврейских дам заплакала из-за перенесенного нервного напряжения. Это изменило суровое выражение лиц эсэсовцев на явное беспокойство, и двое из них попытались утешить ее, купив ей кофе и заверив, что все будет хорошо. Ничего не конфисковали, никого не задержали! Прошло два часа, а вместе с ними и надежда, что мы успеем добраться до корабля до его отплытия. После посадки на медленный поезд, который вез нас через границу, мы должны были сделать три пересадки на другие медленные поезда, прежде чем добраться до Флиссингена, причем на каждую пересадку оставалось всего несколько минут. Добрые голландцы, должно быть, привыкли к этой рутине и были хорошо подготовлены. На каждой станции к нам спускалась большая бригада носильщиков багажа, хватала весь наш багаж и, не говоря ни слова, пересаживала нас на

следующий поезд. Последний прибыл во Флиссинген как раз вовремя и высадил нас у борта парохода, который вскоре был готов к отплытию.

Пересечение Атлантики началось скорее как увеселительный круиз, чем как бегство. Размещение было хорошим, еда была великолепной и такой обильной, что я набрал за поездку десять фунтов. Состоящий полностью из немцев экипаж сделал все возможное, чтобы сделать наше пребывание на борту как можно более приятным, и некоторые молодые офицеры очень хорошо провели время с двумя привлекательными дамами среди пассажиров. Казалось, что шесть лет непрекращающейся «расистской пропаганды ненависти» не совсем укоренились в умах молодых немцев.

Однако на пятый день пришло известие об антиеврейских беспорядках в Германии, и мрачные мысли о будущем затмили праздничное настроение.

Что послужило причиной «Хрустальной ночи», которая привела к повреждению или разрушению 180 синагог из существующих 14 000 и такого же процента еврейских предприятий? Семнадцатилетний польский еврей Гершель Гриншпан (Грюншпан), проживающий в Париже, якобы был так расстроен судьбой своего отца в Германии, что вооружился пистолетом, вошел в немецкое посольство и, не увидев посла, застрелил его первого секретаря Эрнста фон Рата. Это был третий немецкий чиновник, смертельно убитый евреем, и штурмовикам якобы было приказано отомстить еврейскому населению. Эта история примерно так же нелепа, как дискредитированный ныне миф о шести миллионах евреев, отравленных газом, или миф о расстреле немцами польских офицеров в Катыни. Проблемы Гриншпана-старшего возникли не в Германии, а в его родной Польше, где свирепствующая юдофобия вызвала бегство десятков тысяч евреев в соседние страны, главным образом в Германию, где с ними обращались как с иностранными гостями. В начале 1938 года польское правительство неожиданно заявило, что собирается аннулировать все паспорта граждан, проживающих за границей, если они не вернутся домой для переоформления паспортов и продления срока их действия. Около 70 000 евреев с польскими паспортами в то время проживали в Германии, и правительство Германии забеспокоилось, что в конечном счете может случиться так, что эти евреи останутся в Германии со ставшими уже недействительными польскими паспортами. Немецкое правительство приказало собрать их и доставить к польской границе обычными поездами, а не вагонами для перевозки скота, как утверждалось, со всеми необходимыми припасами, включая медицинский персонал, если возникнет необходимость.

Среди них был и Гриншпан-старший. Поляки отказались принять депортированных, и запланированные депортации были на время остановлены. Сын Гриншпана Гершель два года жил у дяди в Париже, который после отзыва польским правительством паспорта Гершеля и отказа французского правительства продлить его вид на жительство попросил его уехать, чтобы избежать

проблем с французскими властями. Дядя также отказал ему в дальнейшей поддержке. Якобы нищий еврейский мальчик в феврале поселился в приличной гостинице, а 7 ноября купил в обычном оружейном магазине за 250 франков револьвер, из которого через час убил первого секретаря германского посольства.

Интересно, что отель, в котором Гершель проживал более девяти месяцев без каких-либо видимых средств к существованию, располагался прямо за углом от LICIA (Международной лиги по борьбе с антисемитизмом, сегодня называемой LICRA), юридическим представителем которой был один из самых известных юристов Франции Венсан де Моро-Жаффери. В 1936 году он защищал в Швейцарии Давида Франкфуртера, убийцу Вильгельма Густлоффа. Это преступление явно было спланировано LICIA. Всего через несколько часов после ареста Гриншпана в посольстве Германии Эрнст фон Рат был еще жив, и никакие новости о покушении еще не могли быть обнародованы. А месье Моро-Жаффери уже появился в полицейском участке, где содержался под арестом Гриншпан, и объявил, что представляет интересы убийцы. Кто заплатил ему? Чем был вызван его интерес к неизвестному иностранному преступнику, нелегально проживающему во Франции?

С Гриншпаном не случилось ничего плохого. После падения Франции французские власти передали его Гестапо, которое всю войну продержало его целым и невредимым, не предав суду. После войны французы не судили его, но ему разрешили эмигрировать в Палестину, где он воссоединился со своей семьей. Они были депортированы из Германии в Польшу, откуда эмигрировали в Палестину. Откуда Гриншпан-старший, бедный портной, раздобыл четыре тысячи фунтов стерлингов, которые британцы требовали для разрешения въезда его семьи из четырех человек в Палестину? Решение этих головоломных вопросов можно найти в книге Ингрид Веккерт «Точка возгорания» («Огненный знак»). В роковой день 9 ноября вся иерархия национал-социалистической партии собралась в Мюнхене, чтобы почтить память павших в гитлеровском путче в тот же день 1923 года. Когда первые новости о беспорядках дошли до собрания, все были ошеломлены, и СА и СС были немедленно отданы приказы пресекать все попытки нанести ущерб еврейской собственности. Немецкое правительство было крайне обеспокоено своим имиджем за границей, и так уже постоянно подвергавшемуся грязным нападениям со стороны враждебной пропаганды, и было немыслимо, чтобы такие беспорядки были организованы по приказу с высокого уровня.

Установлено, что любые приказы отдавались по телефону через агентов-provokаторов, которые следовали хорошо продуманному плану, нанося максимальный ущерб германскому правительству и народу. Пятьдесят пять лет назад благодаря личным контактам я прекрасно знал, что версия всего дела, которую дает иностранная пресса, явно неверна. Президентом компании, на

которую я впоследствии работал, оказался герр фон Рат, дядя убитого секретаря посольства, от которого я получил более подробное описание того, что происходило в Париже после убийства.

Доктор Эккнер находился в постоянном личном контакте с Германом Герингом по вопросам военно-воздушных сил и постройки нового дирижабля, и он писал мне, что рейхсмаршал авиации пребывал в состоянии шока из-за неоправимого ущерба, нанесенного репутации Германии за границей.

Наше путешествие продолжалось в очень штормовую погоду, и 16 ноября мы высадились в Хобокене, штат Нью-Джерси. Прием был не слишком дружелюбным, потому что таможенный досмотр длился несколько часов и для некоторых обернулся катастрофой. Некоторые молодые польские евреи пострадали особенно сильно. Они были обученными ремесленниками и, не имея возможности вывезти сколько-нибудь значительную сумму денег ни из Германии, ни из Польши, вложили все, что у них было, в инструменты своего ремесла. У них не было денег, чтобы заплатить требуемую пошлину за свое новенькое оборудование, которое было просто конфисковано. Интересно, вспомнили ли они обращение немцев с ними на голландской границе, где у жестоко преследуемых ничего не отобрали. Когда угрюмый таможенный инспектор увидел мой новенький фотоаппарат, мои столовые приборы из стерлингового серебра и мой тридцатилетний, но все равно как новый на вид микроскоп (но не мой разобранный и спрятанный «Люгер») у него буквально слюнки потекли, и он задекларировал все как новенькое и облагаемое пошлиной. Однако он не принял во внимание присутствие моего спонсора, господина Вильгельма фон Майстера, внушительной фигуры почти семи футов роста, внушительного и требовательного вида. Уже и так раздраженный тем, что ему пришлось прибыть в Хобокен вместо одной из куда более удобных пристаней судоходных линий в самом Нью-Йорке, к которым он привык, он был явно раздражен медлительностью процесса. Он с его неподражаемым британским акцентом сказал таможеннику, чтобы тот все запаковал обратно, потому что его время слишком ценно, чтобы тратить его на такие мелочи. Он также потребовал, чтобы все было заперто до прибытия его адвоката, который позаботится о необходимых формальностях. Испуганный инспектор немедленно удалился в кабинет своего начальника и вскоре появился снова, чтобы сообщить нам, что все в порядке и что мы можем уходить со всеми моими вещами. Это впервые показало мне, что даже в хваленной демократии некоторые люди более равны, чем другие.

После этого меня отвезли в Нью-Йорк и поселили в очень удобном отеле в центре Манхэттена. Затем последовал роскошный обед в эксклюзивном клубе. Дела начали налаживаться. Мой спонсор давал мне 25 долларов каждую неделю, которые я должен был вернуть после того, как получу работу и устройюсь. Еженедельный счет за проживание в отеле составлял 12 долларов, а хороший ужин в то время можно было получить менее чем за 1 доллар. После

трех дней в отеле мне стало скучно, и я позвонил своему знакомому, проживающему в Международном доме (*International House*) Колумбийского университета. Он немедленно организовал для меня переезд в верхнюю часть города в комнату в доме с великолепным видом на реку Гудзон и мост Джорджа Вашингтона. Недельная стоимость моего нового жилья составляла 9 долларов, а еда в домашней столовой была даже дешевле, чем в ресторанах в центре города. Я начал чувствовать себя богачом. Атмосфера в доме была весьма ободряющей для одинокого чужака в новой стране с очень ограниченным знанием все еще господствовавшего тогда языка. Лучшее, что я мог сделать по-английски, – это процитировать надгробную речь Марка Антония из шекспировского «Юлия Цезаря», которую вместе с гамлетовским «Быть или не быть» пришлось выучить наизусть в школьные годы в Берлине. Это не помогло мне продвигаться далеко, когда я пытался заказать хот-дог, чизбургер или спросить грубоватого вида полицейского о каком-то направлении в центре Манхэттена. Его краткий, но понятный ответ: «Какого черта ты не выучишь сначала хоть немного английский язык, прежде чем задавать глупые вопросы?» Должен признаться, что в то время у меня возникали ностальгические мысли о полицейских в Берлине, стоявших на основных перекрестках и носивших нарукавные повязки, обозначающие иностранные языки, на которых они говорят, которые сопровождали бы приезжего иностранца до места, куда он хотел пойти, если они чувствовали, что он не понимает их словесных указаний.

В Доме все было иначе, потому что довольно много людей говорили по-немецки, в том числе несколько знакомых из Берлина и Вены, которых я не видел много лет и которые приехали раньше. Было также много очень привлекательных студенток, которые после надлежащего знакомства были достаточно любезны, чтобы помочь мне улучшить мои знания английского языка. После празднования моего первого Дня Благодарения среди студентов Дома мне пришлось серьезно задуматься о поиске работы. У меня были хорошие рекомендации и личные рекомендации топ-менеджерам концернов *General Electric*, *Allied Chemical*, *Hanovia* и *RCA*, чей всемирно известный директор по исследованиям Владимир Зворыкин был хорошим другом моего научного руководителя в Берлине Макса Кнолля, первого изобретателя магнитно-электронного микроскопа. В лаборатории Кнолля я изучал тогда еще очень новую и передовую область электронной оптики, которая имела фундаментальное значение для разработки телевизионных кинескопов и фотоэлектронных трубок. Ход и результаты всех этих бесед с крупными фигурами американской индустрии были обескураживающе однообразны. Перед каждой встречей меня подбирали лимузин с шофером и представитель компании, который отвозил меня на обед в эксклюзивный ресторан, и после того, как я съедал немного изысканной еды и пару успокаивающих напитков, меня отвозили на грязно выглядящую фабрику в Нью-Джерси, где меня представляли топ-менеджеру, которому меня порекомендовали. Выслушав дружескую и ободряющую речь, я беседовал с руководителями нескольких отделов, каждый из них желал мне всего наилучшего в будущем, но сожалел, что в то время в их отделах не было

вакансий. После этого меня отвозили в мое временное место жительства в Международном доме, снова на лимузине с шофером, но на этот раз без сопровождающего представителя компании.

Приближалось Рождество, и я становился все более пессимистичным в отношении своих шансов найти работу в выбранной мной области или где-либо еще. Страна находилась в глубокой рецессии, и восторженные истории, которые я слышал во время прослушивания зарубежных радиопередач еще в Берлине, о том, как дружелюбный гений Рузвельт ведет свою страну к новым экономическим высотам, утратили часть своего блеска. Я ходил вверх и вниз по бесконечным авеню Нью-Йорка, чтобы почувствовать вкус Города, но только развил горький привкус, который так и остался у меня с тех пор. Тем не менее, я не хочу здесь высказываться в полностью отрицательном духе, потому что, если я сравниваю Нью-Йорк 1938 года с тем, который я последний раз посетил в 1982 году, то тот, старый, кажется мне потерянным раем! Но для того, кто изначально вырос в двух самых чистых местах мира к югу от Скандинавии, а именно в Берлине и Швейцарии, первые впечатления были ужасными. Улицы были далеко не чистыми, а зимние ветры разносили пыль по каньонам между небоскребами, вызывая резь в глазах. В метро было невероятно шумно и грязно. Миллионы людей со странно невыразительными лицами постоянно носились, казалось бы, из ниоткуда в никуда. Витрины казались скучными, а выставленные в них товары были лишены вкуса, но иногда демонстрировали освежающий юмор. Я с теплотой вспоминаю универмаг, где выставлялись дамские вещицы, среди которых была вывеска станции техобслуживания, гласившая: *We Are Fixing Flats*. Самыми лучшими и дешевыми развлечениями были поездка на пароме до Стейтен-Айленда, которая стоила всего один никель (пять центов), и посещение великолепного *Radio City Music Hall*, которое стоило всего 44 цента. если вы успевали на первое шоу, которое начиналось в одиннадцать часов утра и длилось четыре часа.

Уже в те дни была заметна неприязнь между всеми теми разнородными людьми, которые были сброшены в эту гигантскую кучу, которая была ничьей и никому не принадлежала, а только пожирала ее обитателей. Большая часть когда-то величественных домов из коричневого камня в центре города была преобразована в многоквартирные дома, с квартирами, состоящими из довольно маленькой гостиной, спальни еще меньшего размера и импровизированной кухни-ванной, разделенных тонкой стеной, которая достигала лишь половины потолка. Многие из недавно прибывших иммигрантов оказались в этих унылых местах, но вскоре переселились в район Вашингтон-Хайтс, расположенный на северной оконечности острова Манхэттен. Там квартиры варьировались от достаточно больших и просторных до исключительно современных и красивых с видом на реку Гудзон. Пару лет спустя этот район стал известен как «прусская Палестина», где обязательные таксы говорили только по-немецки.

Через несколько дней после Рождества меня вызвали в офис моего спонсора, господина фон Майстера, и сказали, что мои безнадежные поиски работы подошли к концу, потому что он принял меры, чтобы я мог начать работу на фабрике фотоаппаратов *Agfa-Ansco Corporation* в Бингемтоне, штат Нью-Йорк. Чтобы понять, как ему удалось совершить этот, казалось бы, невозможный подвиг, я должен отвлечься и рассказать кое-что о его прошлом, а также кое-что об истории компании, где я должен был начать свою карьеру на второй день приближающегося Нового года. Фон Майстер, как упоминалось ранее, был сыном британской матери. Он родился и получил образование в Англии и, следовательно, был британским подданным. Его отец, немец Карл Вильгельм фон Майстер, был президентом правительства прусского государства Гессен-Нассау и видным промышленником, а также одним из трех основателей гигантского немецкого химического треста, известного как *I.G. Farben*. В состав треста входили шесть крупных концернов, одним из которых был «Агфа-Берлин», поставщик номер один фотоматериалов и оборудования во всей Европе. Американской дочерней компанией IG-Farben была *General Aniline and Film Corporation*, купившая почтенную фотографическую фирму Энтони и Сквилла (*Anthony and Scovill*) в Бингемтоне, которая с тех пор называлась *Agfa-Ansco*. Там они производили все типы фотопленок, фотобумаги и химикатов, а также недорогие фотоаппараты, конкурируя с *Kodak* и *DuPont*. Благодаря высокому качеству своей продукции, особенно фотобумаги, они стали очень успешными.

Фон Майстер приехал в США в двадцатые годы, где в возрасте двадцати с лишним лет стал торговым представителем *Luerssen Yachts*, немецкого производителя больших и роскошных моторных яхт.

Должно быть, они очень хорошо продавались в бурные двадцатые, потому что после того, как в начале тридцатых годов страну поразила Великая депрессия, фон Майстер смог основать собственную компанию, которая производила репродукционную бумагу для инженерных чертежей. Новый продукт, который он внедрил на рынок, известный как *Diazo-Print*, был собственностью *I.G. Farben* и поэтому был легко доступен фон Майстеру. В конце концов бумага *Diazo-Print* заменила чертежи в США, как это произошло раньше в Германии и большей части Европы. Его компания *Ozalid Corp.* располагалась в Джонсон-Сити, штат Нью-Йорк, небольшом городке, расположенном между двумя городами-побратимами, Бингемтоном и Эндикоттом. Последний был домом для *IBM*. Джонсон-Сити был родным городом для обувной фабрики *Endicott-Johnson*. В Бингемтоне, помимо *Agfa-Ansco*, существовала *Link Aviation Corporation*, а позже и крупное подразделение *Remington-Rand Corp.* Вся территория «Тройных городов» называла себя «Долиной возможностей».

Незадолго до моего приезда корпорация «Озалид» объединилась с *General Aniline and Film Corp.*, и фон Майстер стал вице-президентом этого крупного объединения. Финансовые отношения с *I.G. Farben* были разорваны по политическим причинам, и их интересы в *General Aniline*, сегодня известной как *GAF*, перешли к *Swiss Interhandel*, финансовому учреждению из Швейцарии. Эти детали важны для того, чтобы оценить действия правительства США несколько лет спустя.

30 декабря 1939 года я приехал на автобусе в Бингемтон и временно поселился в красивом маленьком летнем домике фон Майстера в Джонсон-Сити. На следующей неделе меня представили руководству *Agfa-Ansco*, где я, к своему большому удивлению, обнаружил, что почти все, от президента до главного инженера, были недавно прибывшими евреями-эмигрантами из Германии. Как всем известно сегодня, *I.G. Farben* была ужасной организацией, которая жестоко обращалась с депортированными евреями на своем большом заводе *Buna* (искусственного каучука), расположенном в Освенциме. Конечно, их руководство предстало перед судом после войны и многих из них жестоко наказали за предполагаемые проступки. Тем не менее, в конце тридцатых годов правительство Германии заставило компанию *Agfa-Berlin* избавиться от своих высокопоставленных сотрудников-евреев и пришло к чудовищному решению депортировать их на Дикий Запад в Бингемтон, штат Нью-Йорк, где они томились с зарплатой от пятнадцати до пятидесяти тысяч долларов в год. Эти зарплаты публиковались в местной прессе в конце каждого года, и их следует сравнить с моей начальной зарплатой в 1300 долларов (25 долларов в неделю) и существовавшей тогда минимальной заработной платой фабричного рабочего в 0,45 доллара в час. Но даже с моим скромным доходом я смог наскрести 50 долларов первоначального взноса за четырехлетний «Понтиак» менее чем за восемь недель. В благополучной Германии мне пришлось бы поработать несколько лет, прежде чем я смог бы подумать о покупке автомобиля.

Первые восемь месяцев года были в основном приятными. Работа в только что созданном исследовательском отделе была легкой, американцы были очень дружелюбны и сильно отличались от тех типов, с которыми я встречался в Нью-Йорке. Улицы были чистыми и безопасными, а подъезды к домам не запирали на ночь.

Было некоторое недовольство, потому что у новичка, такого как я, была работа, которая тогда считалась хорошо оплачиваемой, в то время как многие местные жители были безработными во время все еще не преодоленной депрессии.

Личные трудности у меня были в основном с этническими немцами, иммигрировавшими в США в двадцатые годы. Они возмущались моими попытками разъяснить им их искаженные представления о Третьем рейхе, зараженные

антигерманской пропагандой в СМИ. Мои попытки дать им более сбалансированный взгляд на новую Германию обычно сопровождались банальным предостережением: «Мы американцы, и вы в Америке должны поступать так, как поступают американцы». Такое отношение, разделяемое подавляющим большинством этнических немцев, составляющих около двадцати процентов всего населения США, на самом деле весьма похвально и могло бы, если бы его практиковали многочисленные и более шумные меньшинства, сделать жизнь в наше время гораздо более приятной. Для американцев немецкого происхождения это привело к ситуации, в которой они, несмотря на их немалый вклад в прогресс и благополучие этой страны, стали в политическом отношении самой бессильной группой в США. Сравните это с влиянием и могуществом американского еврейства, чьи предположительно два процента населения занимают почти пятьдесят процентов мест в высших эшелонах нашего правительства и железной хваткой управляют всеми остальными. В рядах нашей нынешней администрации нет ни одного имени, звучащего по-немецки! Более активное участие в американской политике многочисленного немецкого меньшинства, несомненно, предотвратило бы идиотское и пагубное участие США в войне в Европе, спровоцированной империалистическими амбициями России, Франции и Англии. (Чтобы лучше изучить предысторию этого пожара, обязательно прочтите книгу Леона Дегреля «Гитлер: рожденный Версалем»). Это также, вероятно, свело бы на нет зловещие планы Рузвельта, которые вызвали начало войны в Польше и втянули в нее американский народ своей ложью и циничным принесением в жертву почти трех тысяч моряков и солдат в Пёрл-Харборе.

Весной 1939 года Гитлер предпринял последнюю попытку решить проблемы немецких евреев цивилизованным путем. Он отправил Ялмара Шахта, президента Рейхсбанка и архитектора восстановления Германии, в Англию для переговоров о крупной ссуде, которая позволила бы Германии позволить оставшимся 250 000 евреев эмигрировать с их имуществом и необходимыми финансовыми средствами для обеспечения требуемых иммиграционных виз. Управляющий Банком Англии Монтегю Норман вместе со многими членами Парламента был согласен с этой схемой, но она была немедленно торпедирована Хаимом Вейцманом и поджигателями войны вокруг Черчилля, который стал верным слугой еврейской банковской иерархии после того, как они спасла его от банкротства из-за потери состояния во время краха 1929 года. До того он был откровенным противником евреев. Польский диктатор Юзеф Пилсудский заключил с Гитлером договор о дружбе и ненападении, но после смерти Пилсудского его безмозглый преемник-шовинист полковник Юзеф Бек добровольно стал жертвой англо-американских интриг. Когда Гитлер сделал Польше невероятно щедрое предложение, позволившее ей оставить себе совершенно незаслуженные трофеи Первой мировой войны, и только попросил разрешения построить автобан через бывшие германские земли, составляющие «коридор», соединяющий Восточную Пруссию с Рейхом, и просил вернуть преимущественно немецкий город Данциг, он получил отказ. Данциг был «Вольным

городом» под протекторатом Лиги Наций. Разъездной эмиссар Рузвельта Уильям Буллит хорошо справился со своей задачей в Варшаве и Лондоне. Англия заключила договор с Польшей, пообещав полякам немедленную помощь в случае войны с Германией. Осторожно и коварно, как всегда! Для все еще многочисленного немецкого меньшинства в Польше немедленно наступило царство невероятного террора. Это привело к 58 000 ужасно изуродованных немецких трупов – жертв кровожадной, грабящей польской толпы. События и политические махинации последних дней августа и начала сентября подробно описаны в книге «Вынужденная война» выдающегося американского историка Дэвида Хоггана.

Предположение о какой-либо вине Гитлера в развязывании войны просто смехотворно. Гитлер, который к тому времени заключил знаменитый пакт о ненападении со Сталиным, быстро отреагировал на эксцессы поляков в отношении беспомощного немецкого меньшинства среди них и многочисленные нарушения поляками границы с Германией.

Во время двухмесячных визитов в Варшаву, где двоюродный брат моей матери (тот самый, который пережил семь лет сибирского плена во время Первой мировой войны) был управляющим самого большого и эксклюзивного ночного клуба во всей Восточной Европе, у меня было много возможностей понаблюдать за большим количеством польских офицеров, разгуливающих по улицам в своих впечатляющих мундирах и хвастающихся тем, что они доберутся до Берлина менее чем за две недели и с триумфом проедут через Бранденбургские ворота. Их лидеры убедили их, что новая немецкая армия плохо оснащена и плохо обучена, и восстанет, как только Гитлер отправит их на войну. Что ж, им пришлось немного пересмотреть свои планы путешествия. Устаревшие польские ВВС были разгромлены в первые несколько часов конфликта, еще не успев подняться в воздух.

Добрые друзья польского народа в Лондоне и Париже объявили войну Германии, но не прислали ни одного патрона для винтовок, чтобы помочь полякам в их бедственном положении. Не приказали они и выступить хотя бы несколькими полками, чтобы отвлечь немцев в их стремлении решить польский вопрос раз и навсегда. Может быть, я ошибаюсь, потому что ходит слух, что пара французских полков продвинулась на милю через границу в Саар, но поспешно отступила, заметив несколько немецких мундиров.

Жестокий, но осторожный азиатский тиран, правивший в России, немедленно решил проблему возможного организованного сопротивления в Польше, приказав ликвидировать четырнадцать тысяч их офицеров и интеллигенции простым приемом – одним выстрелом в затылок. Это образцовое проявление эффективности и бережливости должно стать ценным уроком для нашего расточительного военного истеблишмента. Якобы еще более жестокие немцы отправляли многих пленных польских офицеров в школы, где они могли изучать

различные области знаний по своему выбору, в надежде, что они станут полезными членами человеческого общества. Возможно, это была ошибка.

После успешного завершения Польской кампании Гитлер начал демобилизацию своей армии, так как был убежден, что англичане достаточно благоразумны, чтобы прекратить войну, ставшую к тому времени совершенно бессмысленной. Большинство англичан, возможно, согласились бы с этим, как и французы. Но не таков был господин Рузвельт, который приказал своему послу Джо Кеннеди «подставить железо под британские задницы». Кеннеди не хотел этого делать, был отозван и, по его собственным словам, отправился домой, опасаясь за свою жизнь. Война продолжалась; Гитлер послал своих солдат к недавно построенному Западному валу, и враждующие армии несколько месяцев смотрели друг на друга. «Странная война!»

После нескольких безуспешных попыток склонить упрямых англичан к миру, Гитлер наконец решил покончить со всей этой ерундой и перешел в наступление. Непобедимая французская армия, а также их британские союзники и даже неприступная линия Мажино рухнули в течение нескольких недель под стремительным наступлением танков Гудериана и безжалостными бомбежками пикирующих бомбардировщиков «Штука». Британцы отступили к Дюнкерку, Гитлер приказал своим победоносным танкам остановиться и позволить экспедиционным силам уйти в Англию. Это была очень серьезная ошибка, которую не сделал бы ни один из его врагов. Но ведь Гитлер был своего рода идеалистом, который просто не мог понять, что его собратья по расе за морем не прозреют и не согласятся помириться. Они этого не сделали, что в конечном счете стоило им империи и низвело их до статуса небольшой второстепенной державы. Их лидер, страдающий манией величия, алкоголик, отныне был просто помощником нашего «великого» президента.

Французам было приказано подписать перемирие в том же вагоне, в котором немцы ранее были вынуждены подписать перемирие после Первой мировой войны. В типичной для Гитлера жестокой манере он приказал оркестру немецкой армии заиграть национальный гимн Франции по прибытии французских посланников и начал свою речь, отдав дань уважения своим храбрым врагам, павшим при защите своей страны.

Сравните это с унижительным поведением «джентльменов» британской армии, которые после окончательного разгрома Германии арестовали единственное законное пост-гитлеровское германское правительство адмирала Карла Дёница. Они ворвались в комнату, где их ожидали немцы, с криками: «Руки вверх, штаны вниз!» и приступили к краже всех их личных вещей, включая авторучки. Для меня, выросшего в пост-версальской Германии, день подписания капитуляции Франции был одним из самых счастливых дней в моей жизни. Наконец-то восторжествовала справедливость!

Вернувшись в Бингемтон, моя жизнь стала менее беззаботной из-за непрекращающейся антинемецкой пропаганды, которая должна была подтолкнуть упрямый американский народ к участию в массовом убийстве людей далеко от берегов Америки.

Теодор Кауфман трудился над своим печально известным произведением «Германия должна погибнуть», в котором требовал стерилизовать всех немцев репродуктивного возраста, книгой, которую Рузвельт очень рекомендовал, особенно новобранцам только что призванной армии. Говорили, что немцы, которые даже не смогли переправиться через Ла-Манш, собирались вторгнуться в Бразилию и продолжить свой марш на север, чтобы атаковать США. Высокооплачиваемых еврейских менеджеров *Agfa-Ansco* внезапно заподозрили в том, что они тайные нацистские агенты, а что касается меня лично, то большинство людей были в этом уверены, потому что я не только не был евреем, но и раньше защищал Германию и, что хуже всего, уже в ноябре 1939 года приобрел подержанный «Бьюик» за королевскую сумму в 750 долларов. Поскольку это казалось невозможным, учитывая мое все еще низкое положение, я, конечно же, должен был получать вознаграждение за какую-то свою деятельность на службе Третьего рейха. Кроме того, какой-то наблюдательный сосед видел меня ночью с подозрительным портфелем, вероятно, с какой-то контрабандой. На самом деле я посещал вечерние курсы, чтобы улучшить свой все еще очень ограниченный английский, и носил свои письменные работы в портфеле. На меня донесли местному окружному прокурору и вызвали на ковер за это отклонение. Потребовался начальник отделения ФБР в Бингемтоне, чтобы свидетельствовать о том, что я чист. [Попробуйте-ка сделать это сегодня!]

С началом 1941 года у меня тоже были некоторые проблемы в связи с моей матерью. Она все еще жила одна в Берлине, так как мои родители развелись еще в 1919 году. Ночные налеты британских Королевских ВВС на город становились настоящей проблемой, и она сильно давила на меня, чтобы я облегчил ей иммиграцию. Этого снова было очень трудно добиться. Мое официальное заявление в ее пользу было сочтено недостаточным из-за моего ограниченного дохода, а также из-за того, что я еще сам не стал полноправным гражданином. Мои первые документы о гражданстве были выданы уже в 1939 году. Генеральный консул США господин Гейст вскоре после моего отъезда из Германии стал исполняющим обязанности посла, поскольку посла Уильяма Додда отозвал Рузвельт. Весной 1940 года Гейст также вернулся в Америку, чтобы возглавить коммерческие вопросы в Государственном департаменте в Вашингтоне. Я посетил его вскоре после его возвращения в Госдепартаменте и в его доме в Джорджтауне, где он заверил меня, что Рузвельт ввязывается в эту войну, несмотря ни на что. («Я говорю это снова, и снова, и снова, что ваши сыновья никогда не будут отправлены воевать на чужую землю, и т. д. и т. д.»)

Поэтому я уже тогда знал, что война для Германии проиграна, и чувствовал, что я обязан моей матери избавить ее от неизбежно приближающейся катастрофы. Гейст сообщил мне, что моя мать может надеяться приехать сюда только по капиталистической иммиграционной визе. Мой тогдашний хороший друг и наставник фон Майстер взял на себя ответственность положить 3500 долларов на банковский счет моей матери, которая затем без дальнейших проволочек получила иммиграционную визу в США. Следующая проблема заключалась в том, как вывезти ее из Германии и Европы. Когда над Германией бушевала воздушная война, коммерческие перевозки были резко ограничены, особенно для совершенно ненужных эмигрантов в США, которые к тому времени считались вражеской территорией из-за того, что Рузвельт предоставил Великобритании в аренду пятьдесят эсминцев и тайно приказал атаковать немецкие подводные лодки в Атлантике. На этот раз доктор Эккнер решил нашу проблему, лично позвонив рейхсмаршалу авиации Герингу, которого в то время уже мучили более насущные проблемы, чем перевозка моей мамы. Тем не менее, он немедленно приказал отправить ее дипломатическим авиарейсом в Лиссабон, и самолет доставил ее туда через два дня. После двухнедельного ожидания она смогла сесть на грузовое судно, доставившее ее в Америку. Всего через две недели после ее прибытия Гитлер был вынужден начать превентивную войну против Советского Союза, после того как Сталин собрал 140 дивизий и намного более крупные и современные танковые силы, чем Германия могла собрать в то время, на восточной границе Рейха. Сталин был готов начать свое заветное завоевание Европы.

Удивительно, но немецкая армия отогнала русских до ворот Москвы, несмотря на свою меньшую численность и худшие танки. Однако у немцев были гораздо лучше обученные солдаты и намного превосходящее командование. Продвижение немцев остановило наступление аномально суровой зимы, для которой у них не было соответствующей одежды. Этой передышкой Сталин воспользовался для перевооружения своих войск благодаря массовому притоку американской военной техники всех видов. Сталин смог перебросить на запад и свои крупные сибирские армии, заключив пакт о ненападении с Японией, которая совершила роковую ошибку, попав в ловушку, расставленную для них Рузвельтом в Пёрл-Харборе. Если бы японцы вместо этого напали на Россию, чтобы помочь своему союзнику Германии, Сталин не смог бы оправиться от поражения, а Рузвельт не смог бы втянуть Америку в войну через «черный ход».

Мое положение в Бингемтоне стало весьма ненадежным. После Пёрл-Харбора все немецкие эмигранты, еще не получившие полного гражданства (для получения вторых и окончательных документов требовалось минимум пять лет непрерывного проживания в США), должны были покинуть *Agfa-Ansco*, которая к тому времени называлась просто *Ansco Corp*. К ним относились и еврейские топ-менеджеры. Компания *General Aniline*, принадлежащая швейцарцам, была

незаконно конфискована и передана в совершенно неумелое управление Ведомству по опекунству имуществом враждебных иностранцев.

Кроме того, на топ-менеджмент корпорации был подан иск за нарушение антитрестовского Закона Шермана. Это было совершенно нелепое, сфабрикованное обвинение, и правительство косвенно признало это, сорвав все попытки довести дело до суда. Фон Майстер смог перевести меня в свою корпорацию «Озалид», но через несколько дней топор упал и на него. Урожденный британец, который много лет назад стал американским гражданином, теперь считался подозреваемым, потому что его покойный отец был видным деятелем в императорской Германии. Таким образом, мои хорошо продуманные планы стать будущим научным руководителем фабрики фототехники рухнули. Однажды днем явились трое агентов ФБР и конфисковали мою камеру (она была возвращена в хорошем состоянии после войны), а также камеры двух моих соседей по комнате. Я показал им коротковолновые катушки, который я снял со своего радиоприемника, как того требовал закон, запрещавший владение коротковолновыми радиоприемниками иностранцам из враждебных государств. Один из агентов включил радио, и, хотите верить, хотите нет, гулкий голос Фюрера наполнил комнату, обращаясь к немецкому народу с важным напутствием. Короткие волны очень коварны. Все посмеялись, но радиоприемник все равно забрали. На следующий день в местной газете появилась фотография на первой полосе, на которой была запечатлена вся контрабанда, изъятая у врагов, и, конечно же, указаны все их имена. Как оказалось, я пробыл в «Озалид» еще восемь месяцев, но потом мне пришлось уйти, потому что их копировальная бумага считалась необходимым оборудованием для военной промышленности.

За четыре года моя карьера превратилась из никому не нужного неарийца в Германии в безработного вражеского иностранца в США. Поскольку мне нужно было есть и содержать мать, я отчаянно искал работу, пока добросердечный владелец немецко-американской пекарни не нанял меня водителем его грузовика, который доставлял хлеб и булочки в большинство ресторанов в городе Бингемтон и его окрестностях. Эта работа на самом деле оплачивалась так же, как и моя прежняя должность инженера, но когда владелец узнал о моем профессиональном опыте, он немедленно вытащил меня из грузовика и захотел, чтобы я присматривал за оборудованием в его в значительной степени автоматизированной пекарне. Сначала мне пришлось изучить все о выпечке хлеба, что оплачивалось гораздо меньше, чем вождение грузовика, но, чтобы удержать меня, он каждую неделю давал мне прибавку к зарплате. Рабочий день был тяжелым. Я должен был быть в пекарне в три часа ночи и уходил в два часа дня.

Уже привыкнув к более спокойному и расслабленному подходу к зарабатыванию на жизнь, я позвонил по телефону мистеру Гейсту в Государственный департамент и рассказал ему свою горестную историю. Через несколько дней я

держал в руках бумаги, в которых говорилось, что я могу привлекаться к военным работам с доступом до грифа «Секретно».

Теперь я был предоставлен самому себе, и, к счастью, другой американец немецкого происхождения, который был директором по исследованиям на заводе *Tung-Sol Lamp* в Ньюарке, нанял меня по телефону. Поскольку Ньюарк был не очень привлекательным местом, я снял симпатичную маленькую квартиру в высотном здании на Вест-Сайде Манхэттена. Все шло хорошо около девяти месяцев, пока меня не вызвали к начальнику, который с грустью сообщил мне, что «Вашингтон» аннулировал мое разрешение на работу. Причины не были указаны. Какому-нибудь тупому чиновнику, вероятно, требовалось продемонстрировать, что он выполняет свою работу, старательно следя за тем, чтобы ни один опасный иностранец не помешал безопасности работы военной промышленности. Мне сказали, что мне будут платить еще две недели и что я смогу вернуться, как только улажу отношения с Вашингтоном. В аналогичном случае, касающемся одного моего немецко-американского коллеги, который уже был полноправным гражданином, процесс такого «улаживания» занял полгода.

Сидя с мамой в довольно дорогой для меня квартире, недавно обставленной в кредит, положение мое было, мягко говоря, удручающее. И теперь, по дороге домой, я пережил один из тех небольших эпизодов, которые убедили меня в том, что с американским народом в принципе все в порядке, и вселили надежду в то, что даже в нынешние отчаянные времена, в конце концов, все можно изменить. Проходя мимо небольшого магазина электроприборов и радиоприемников, я заметил в витрине объявление: «Требуется мастер по ремонту радиоприемников!» У меня не было абсолютно никакого опыта в ремонте радиоприемников, но я был хотя бы теоретически хорошо знаком с работой радиоприемника и даже самостоятельно собрал несколько примитивных радиоприемников, когда я был еще мальчишкой лет пятнадцать назад, так что я решил попробовать эту «возможность». Маленькая пожилая дама, владевшая магазином, спросила меня о моих навыках и знаниях в области радио, и я сказал ей, что я дипломированный инженер и эксперт в разработке радиоламп. Услышав мой очень сильный акцент, она спросила, откуда я приехал. Я мог бы сказать ей, что я швейцарец или австриец, что было бы хотя бы отчасти правдой, но в своем несколько горьком настроении я выпалил: «Я немец!» и уже собрался было уходить. Затем произошло то, чего не могло произойти ни в одной другой стране при подобных обстоятельствах. Она просто сказала: «О! Если вы немец, вы должны быть хорошим мастером и можете немедленно приступить к работе». Она была определенно не немецкого происхождения. В моем ослабленном состоянии я был готов расплакаться. Со всей этой пропагандой, постоянно твердившей, насколько опасны эти злые немцы, она, должно быть, действительно сохранила здравый смысл и отказывалась верить в эту злонамеренную чепуху.

Моя карьера радиомастера была недолгой. Как обычно, я позвонил мистеру Гейсту в Государственный департамент и рассказал ему о своих проблемах. Он сказал, что собирается выяснить, что можно сделать для меня. Две недели спустя, когда я как раз вытаскивал пораженную электрическим током и частично разложившуюся мышь из плохо пахнущего неработающего радиоприемника, мне позвонил мой босс в *Tung-Sol*. «Хайнц, – сказал он, – произошло чудо. Правительство Соединенных Штатов приняло меры в отношении вашего дела менее чем за две недели, и вы можете немедленно вернуться к своей прежней работе».

Оставшиеся два года войны прошли лично для меня довольно спокойно. Незадолго до капитуляции Германии меня вызвали на последнее собеседование по поводу моего предстоящего гражданства. Интервьюер, очень неприятная еврейка, начала с того, что спросила, не стыдно ли мне держаться за свое немецкое имя, на что я сердито ответил, что не вижу причин не гордиться своим немецким происхождением. На этом интервью закончилось, и я был уверен, что потерпел неудачу в своих попытках стать американским гражданином. К моему великому удивлению, через пару дней я получил уведомление о необходимости явиться в суд, чтобы принять присягу в качестве нового гражданина и забрать свои последние документы. Моим первым действием после приведения к присяге было сесть на поезд метро до оружейного магазина в центре города, где я купил винтовку *Springfield* калибра .30-06 в отличном состоянии. В то время негражданам по-прежнему запрещалось иметь какое-либо огнестрельное оружие, и когда я шел домой с гордо закинутым за спину своим новым приобретением, я начал понимать, что наконец-то стал американцем.

В послевоенные годы мы сталкивались с постоянно усиливающейся пропагандистской работой, очерняющей все немецкое, в том числе были свидетелями порочной кампании, направленной на отравление умов поколений немецкой молодежи, к сожалению, с большим успехом. Ничего подобного никогда не было сделано с японцами, которые, в конце концов, первыми напали на США, даже если они таким способом отчаянно защищались от того, чтобы быть задушенными экономическими ограничениями, навязанными нашим правительством. Никогда не было установленного акта враждебности Германии против США до того, как первая подверглась нападению со стороны второй в Первой или Второй мировых войнах.

Но ведь японцы не преследовали евреев. В этом и не было необходимости, потому что в Японии не было евреев.

Полное отсутствие правды в сообщениях о Германии и о начале войны стало для меня очевидным вскоре после того, как я прибыл в Америку, и моя убежденность в том, что средства массовой информации, контролируемые евреями, навязали американскому народу колоссальный обман, постоянно укреплялась с тех пор. Мне хотелось бы рассказать о нескольких личных случаях, которые привели меня к тому, что я стал стопроцентным сторонником исторического ревизионизма.

Уже в очень раннем возрасте я осознал тот факт, что моя мать была принята с распростертыми объятиями в семью моего отца, тогда как подавляющее большинство членов ее собственной семьи так и не простили ей того, что она вышла замуж за «гоя». Спустя годы я обнаружил, что это скорее правило, чем исключение. В случае смешанных браков недовольство почти всегда проявляет еврейская часть семьи и очень редко нееврейская. Это расистское отношение нашло свое наиболее конкретное выражение в израильском законе, запрещающем своим гражданам вступать в брак с неевреями. Лишь совсем недавно этот закон был отменен.

Выше я упомянул, что у моей матери был двоюродный брат, который провел семь лет в плену в Сибири и стал менеджером очень престижного ночного клуба в Варшаве. Во время моих посещений в 1934 и 1936 годах я подружился с двумя руководителями оркестра, двумя братьями-евреями, которые дирижировали двумя прекрасными оркестрами в клубе, который был открыт круглосуточно каждый день. Позже, в 1939 году, в Нью-Йорке открылась великая Всемирная выставка. Символически самым впечатляющим сооружением, по крайней мере, снаружи, был павильон СССР. Благодаря махинациям мэра Нью-Йорка Фиорелло Ла Гуардии Германия не разрешила участвовать в выставке, это решение было принято более чем за год до начала боевых действий в Европе. Летом 1940 года, на второй год работы выставки, я снова посетил наиболее изысканные павильоны. Когда я стоял перед польским павильоном, ко мне вдруг подошел мой варшавский знакомый, один из руководителей оркестра из ночного клуба моего двоюродного брата. На мой вопрос, как ему удалось выбраться из Польши, он сказал мне, что ему, его брату и их семье очень повезло. Когда немецкие войска подошли к Варшаве, они собрали вещи и начали двигаться на восток. Услышав, что русские вторгаются в Польшу с востока, они сразу же и, к их счастью, решили отдать свою судьбу в руки быстро наступавших немцев. Вскоре после этого разворота они попали в руки СС. Так как они смогли предъявить действительные иммиграционные визы в США, СС отнеслись к ним с величайшим вниманием.

Где-то в 1946 году я побывал на вечеринке в Нью-Йорке, где присутствовало много евреев. Один из молодых парней бегло говорил по-немецки и во время разговора рассказал мне, что провел много месяцев в качестве интернированного в концлагере Бухенвальд. Я сразу же спросил его о «звере Бухенвальда» Ильзе Кох (абажуры из специально подобранной кожи человека и т. д. и т. п.). «О, это всего лишь истории, – сказал он. – Я знаю точно, потому что на меня несколько месяцев возлагалась обязанность быть кем-то вроде ее камердинера, который должен был убирать ее комнаты. Она вела себя абсолютно нормально и корректно и никогда не ругалась. Только после того, что случилось с ее мужем, начальником лагеря, она была близка к нервному срыву».

Он присвоил средства, которые были частью денег, предназначенных для покупки необходимых припасов для заключенных лагеря, был привлечен к ответственности за свое преступление судом СС, приговорен к смертной казни и быстро расстрелян. Тех, кто знаком с крайне строгими правилами поведения германских вооруженных сил, особенно на оккупированной вражеской территории, эта история не слишком удивляет. Например, любой немецкий солдат, уличенный в изнасиловании женщины, вскоре после этого подвергнется расстрелу. Сравните это с призывом русских командиров к своим войскам, вторгшимся в Германию позднее, о том, что все вражеские женщины являются их собственностью, или с рекомендацией президента Рузвельта, чтобы наши солдаты изучили трактат Кауфмана «Германия должна погибнуть», в котором рекомендовалось, чтобы все немцы репродуктивного возраста подверглись стерилизации. Дело Ильзы Кох в конце концов было передано американскому Верховному комиссару оккупированной Германии Марку Кларку, который снял с нее все выдвинутые обвинения и освободил. Несколько лет спустя на немецкие власти оказали сильное давление, чтобы повторно арестовать ее («не забудем, не простим!»). И затем она якобы покончила жизнь самоубийством в своей камере.

Весьма существенный стимул мое ревизионистское мышление получило во время моей первой из нескольких командировок в Израиль. Как и любой другой посетитель, я обязан был посетить музей Холокоста Яд Вашем. Войдя, я заметил маленькую (8 на 10 дюймов) записку в рамке, висевшую на стене лицом к вошедшему посетителю, но легко упускаемую из виду из-за ее крошечного размера. В ней говорилось, что в границах Рейха никогда не было лагерей смерти. Убийства людей газом совершались только в оккупированной Польше. Я был поражен этим откровением прямо из первых уст! Это был июль 1978 года, и я никогда не слышал из наших «официальных» СМИ, что все рассказы об истреблениях в немецких лагерях были заведомой ложью. Даже по сей день это не является общеизвестным. Наоборот, не проходит и дня, чтобы газеты не упомянули прямо или через авторов писем, называющих себя очевидцами, о жертвах массовых убийств в немецких лагерях. К настоящему времени признанное массовое убийство 560 фронтовых солдат Войск СС

(Waffen-SS), в основном инвалидов, в Дахау американскими «освободителями» дискретно никогда не упоминается (см. Бюхнер, Дахау, «День мстителя»).

Другая показательная информация, в том же объявлении размером 8 на 10 дюймов, сообщает изумленному читателю, что 5 ноября 1938 года (день, случайно совпавший с днем моей эмиграции) во всей Германии оставалось только 250 000 евреев. Из них, по его словам, около 100 000 пережили войну в Германии, а судьба около 150 000 неизвестна. Таким образом, оставшиеся 450 000 из довоенного еврейского населения Великой Германии, около 700 000 человек, уже благополучно эмигрировали до указанной выше даты. Не упоминалось, сколько из тех 150 000 человек, судьба которых неизвестна, эмигрировало в период с осени 1938 года по лето 1941 года, когда началась насильственная депортация оставшихся немецких евреев, или сколько погибло во время геноцидных нападений союзников на немецкое гражданское население.

В первой или второй комнате на всей стене было знаменитое изображение маленького еврейского мальчика, за которым следует его семья, с поднятыми руками перед немецким солдатом с винтовкой, опущенной на эту жалкую группу. Конечно, всем известно, что этих людей вели в газовые камеры навстречу своей гибели. В момент написания этой статьи я держу в руках большую книгу под названием «Адольф Гитлер – фотодокументация» (Adolph (именно так!) Hitler—A Photographic Documentary, by Ivor Mantangle, 1983, Crescent Books, Crown Publishers, 1983). Она открыта на развороте со знаменитой фотографией. Подпись гласит: «Образ этого маленького мальчика в Варшаве потряс мир и стал во время войны символом ужасов нацистского преследования евреев. Удивительно, но этот мальчик выжил и сегодня является преуспевающим лондонским бизнесменом. Он никогда не забывал своих мытарств весной 1943 года».

К этому времени в Нью-Йорке и Англии заговорили еще один или два человека, которые соперничают за славу этого чудом выжившего маленького мальчика. Фотографии тысяч разорванных и сожженных беременных женщин, сгоревших детей и частично расплавленных трупов, останков огненного смерча в Дрездене, до сих пор не выставлены на всеобщее обозрение, как и фотографии тех немецких солдат, которые сдались в Праге и были повешены за ноги живыми, облиты бензином и сожжены, чтобы осветить триумфальное возвращение пана Бенеша.

Поскольку в мире, по-видимому, нет недостатка в переживших Холокост, я хотел бы здесь упомянуть еще некоторые показательные статистические данные. Согласно тщательно проведенному Саннингом демографическому исследованию («Исчезновение восточноевропейского еврейства»), которое учиты-

вадет бегство евреев из этих районов перед войной, а также эвакуацию Советским Союзом более двух миллионов евреев с территорий, которые вскоре были оккупированы наступающими немецкими армиями (этих евреев вывезли куда-то в Сибирь и оставили их там выживать самостоятельно), было около 3,5 миллионов евреев, оставшихся на территории, оккупированной и контролируемой Германией, которая простиралась от Атлантического океана до Черного моря. Как, конечно, всем известно, шесть миллионов из них были убиты злобными нацистами. А ведь всего несколько лет назад я прочитал в выходящем в Нью-Йорке на немецком языке еврейском еженедельнике *Aufbau* гордое сообщение о том, что уже более четырех миллионов переживших «Холокост» получили финансовую компенсацию от Германии! Чтобы понять, что эти цифры одновременно верны, требуется математический гений эйнштейновского масштаба. Заглянув в мой последний «Всемирный альманах» (1989 г.), я обнаружил несколько поразительных фактов. Вспоминая объявление евреями войны Германии – не нацистам! – в лондонской газете *Daily Telegraph* в марте 1933 года, в котором сообщалось, что за этим объявлением стоят четырнадцать миллионов евреев во всем мире. Вычтите шесть миллионов, и останется восемь миллионов.

Согласно моему «Всемирному альманаху», который основывает свои цифры на еврейских источниках, во всем мире насчитывалось 18 075 400 евреев (стр. 591). По неизвестным мне причинам разбивка этого числа по географическим регионам полностью исключает примерно четыре миллиона евреев в Израиле! В недавно вышедшей книге русско-еврейской писательницы Сони Саллманн (Зальман?), раскрывающей истинные масштабы еврейского контроля в Советской России, утверждается, что приводимое обычно число около четырех миллионов евреев в России просто смехотворно, а цифра в десять миллионов была бы гораздо более реалистичной. Тогда еврейское население во всем мире составляло бы значительно больше двадцати пяти миллионов! Замечательное восстановление народа, чье руководство постоянно оплакивает ужасно низкую рождаемость среди евреев.

Я также хотел бы упомянуть, что недавнее сокращение на более чем два с половиной миллиона человек списка предполагаемых жертв Освенцима даже не повлияло на те шесть миллионов, о которых ежедневно трубят наши «свободные демократические» СМИ. Наконец, я хочу высказать свое твердое убеждение, будучи досконально знакомым с немецкой эффективностью, а также с отношением восточных европейцев к живущему в их странах еврейскому населению, что, если бы немцы решили истребить евреев, то они быстро решили бы эту проблему и, не столкнувшись бы при этом с какими-либо гигантскими логистическими трудностями. Им достаточно было бы просто расклеить плакаты, извещающие коренное население о том, что отныне открыт сезон охоты на всех евреев. Еврейская проблема исчезла бы навсегда в течение нескольких недель или, может быть, месяцев.

Отвратительное продолжение этой войны другими средствами является главной причиной, по которой я пишу эти мои краткие мемуары, надеясь, что некоторые люди, прочитав их, изменят свое мнение о немцах и об их национал-социалистическом правительстве. Я всегда сожалел о том, что мне не разрешили служить Германии во время ее великой беды, и не испытываю абсолютно никакого негодования из-за расовой политики Гитлера. Напротив, я убежден, что Нюрнбергские законы 1935 года были абсолютной необходимостью, и если бы их можно было применять во всей той части мира, которая все еще считает себя белой, они предотвратили бы грядущую катастрофу невообразимых масштабов. Только высокодисциплинированная, расово и культурно однородная нация, вроде гитлеровской Германии, могла бы добиться беспрецедентного восстановления после почти полного разрушения и потери практически всех ресурсов и одной трети своей территории в пользу ее садистски мстительных убийц-победителей.

Систематические усилия по превращению мира в расовую выгребную яму приведут к состоянию, предсказанному Гитлером семьдесят лет назад в его фундаментальном труде «Майн Кампф». Вот его слова: «Если бы еврею с помощью его марксистского символа веры удалось одержать победу над народами мира, его корона стала бы венцом на могиле всего человечества. Тогда наша планета, как было с ней миллионы лет назад, носилась бы в эфире, опять безлюдная и пустая».

С наилучшими пожеланиями вам и вашей жене, всегда ваш.

Хайнц Х. Вайхардт

[ПРИМЕЧАНИЕ: Я позволил себе исправить множество незначительных опечаток и грамматических ошибок, но ничего, что могло бы изменить смысл написанного. – JR, издатель.]

Библиотека Велесова Слобода, 2023 г.